

Николай Дмитриев

КАЗНА ИМПЕРАТОРА

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Николай Дмитриев

Казна императора

«ВЕЧЕ»

2016

Дмитриев Н. Н.

Казна императора / Н. Н. Дмитриев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4444-8467-8

Подходит к концу Гражданская война. Уходят за кордон последние разрозненные отряды белых, отчаянно пытающиеся вывезти с собой хоть какие-то сокровища, которые, как они надеются, помогут вернуть былое. И остающиеся в ставшей советской России отдельные добровольцы преданы той же идее... Как сложится судьба укрытой казны последнего императора, когда ее используют? Об этом читайте в новом романе Николая Дмитриева.

ISBN 978-5-4444-8467-8

© Дмитриев Н. Н., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Николай Дмитриев

Казна императора

© Дмитриев Н.Н., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Лошади, запряженные в кошеву, шли вскачь. Возница, то ли сбитый пулей, то ли просто вывалившийся в сугроб со страху, остался далеко позади, и сейчас подпоручик Козырев, успевший перехватить вожжи, остервенело хлестал кнутом по крупам, заставляя упряжку нестись бешеным аллюром.

Сжавшись в самом задку саней, полковник Чеботарев как мог отстреливался из «смит-вессона». Старый полицейский револьвер исправно плевал свинцом в преследователей, и полковник, неожиданно для себя, по-доброму вспомнил пожилого работягу, мастеровившего для него патроны прямо у себя на дому.

Один их выстрелов оказался удачным. Пуля, посланная из «смит-вессона», зацепила лошадь самого ярого преследователя. Мужик в малахае, только что размахивавший карабином и что-то оравший, скovyрнулся в снег, заставив всю погоню задержаться на месте.

К счастью для беглецов, накатанный прямо по льду зимник сделал неожиданно-резкий поворот и на какой-то момент кошеву с офицерами скрыла от погони сплошная стена тайги, росшей по берегам безымянной речки.

Отлично понимая, что лошади, тянувшие тяжелую кошеву, долго не выдержат и всадники, так или иначе, их догонят, полковник ткнул рукояткой револьвера скорчившегося на облучке Козырева.

– В лес, подпоручик!.. Сворачивайте в лес!

Повинуясь приказу, Козырев сбил упряжку в сторону и прямо по снегу, пропахивая кошевой глубокую борозду, погнал к лесу. Разгоряченные кони с ходу вырвались на береговой откос и даже заволокли сани под деревья, но тут правый полоз налетел на корч, кошеву перекосило, и чуть ли не упершись дугой коренника в ствол, лошади, тяжело поводя боками, остановились.

Подпоручик спрыгнул с облучка и затравленно оглянулся. На дороге еще никого не было видно, но из-за поворота уже явственно слышались крики и стук копыт возобновившейся погони.

– Господин полковник!.. Пропали!.. – с паническим криком бросился к Чеботареву Козырев.

– Тихо! – жестко огрызнулся Чеботарев и, приводя товарища в чувство, буквально рявкнул: – Руби постромки!.. Вяжи выюк!.. Верхами уйдем!

Уже не глядя на кинувшегося к лошадям подпоручика, полковник лихорадочно разбросал вещи, набросанные в кошеву, и вытащил из-под самого низа трехлинейку. Мгновенно оценив обстановку, Чеботарев отбежал от застрявших саней шагов на двадцать и, с размаху плюхнувшись под ближайшую елку, выжидаясь замер.

Буквально сразу из-за поворота вырвались первые всадники и, не увидев кошевы на дороге, растерянно принялись осаживать. Чеботарев опер винтовку о ближайший сук и уверенно приложился. Он хорошо понимал, одно дело пальба с ходу из старого револьвера и совсем другое – прицельный бой трехлинейки на расстоянии в каких-то сто метров.

Именно поэтому полковник позволил себе несколько помедлить с выстрелом, остановив свой выбор на явном главаре, который, размахивая руками, что-то горячо втолковывал своим товарищам по замешкавшейся погоне. Потом, углядев уже знакомый малахай, снова замель-

кавший на дороге, Чеботарев еще секунду поколебался и наконец, прицелившись, плавно нажал спуск.

Главарь рухнул, как сноп, а его конь со скособоченным самодельным седлом-подушкой отпрянул в сторону. Всадники так и порскнули в разные стороны, а владелец малахая при этом еще и изловчился поймать за узду потерявшую хозяина лошадь.

Полковник лихорадочно передернул затвор и, взяв на мушку мелькнувший за сугробами малахай, выстрелил вторично, но тому видать черт ворожил, и всадник, только еще ниже пригнувшись, так о двуконь и умчался куда-то назад за поворот дороги. Чеботарев приподнялся на локтях и, вытянув шею, огляделся.

Похоже, преследователи попались опытные. Во всяком случае, часть всадников ускакала назад, а часть, положив коней прямо в снег, спряталась за сугробами. Вглядевшись, полковник высмотрел приподнявшийся на секунду ствол и, особо не целясь, выпустил по залегшим на дороге преследователям всю обойму.

Ответных выстрелов не было, и полковник понял, что его сейчас начнут выслеживать, а это, принимая во внимание умение таежников, ничего хорошего не сулило. Чеботарев пополз задом и, набрав под полы шинели кучу снега, снова приподнялся.

Видимо, пара минут у него в запасе имелась, и полковник, прячась за стволами, побежал обратно. Оказавшись снова возле скособоченной кошевы, Чеботарев понял, что Козырев времени даром не терял, и сейчас как раз кончал мостить на спине коренника неуклюжий узел с вещами.

Перехватив поудобнее трехлинейку, Чеботарев взял за недоуздок храпящую пристяжную и, тяжело влезая на лошадь, приказал:

– Едем, подпоручик!.. Боюсь, как бы лесом не обошли...

– Сейчас, сейчас... – совсем по-штатски пробормотал Козырев и, наскоро затянув последний узел, вскочил на вторую пристяжную.

Чеботарев прислушался, выбрал направление и, пустив лошадь шагом, начал напрямик углубляться в лес. Ничего больше не спрашивая, следом поехал и Козырев, потянув за собой на так и не перерезанных вожжах коренника, на крупе которого в такт шагу раскачивался кое-как притороченный тюк...

Минут через сорок, выехав на край большой искрящейся снегом поляны, Чеботарев поднял руку:

– Постоим немного...

Козырев, подтянув ближе коренника с вьюком, тоже остновился. В наступившей тишине было слышно только легкое всхрапывание лошадей и скрип снега под копытами все еще перебиравшего ногами коренника. Полковник оглядел поляну, окруженную разлапистыми елями со снежными шапками на ветвях, заметил четкий след косули, наискось пересекавший открытое место, и прислушался.

Кругом было спокойно, и Чеботарев облегченно вздохнул.

– Повезло нам, подпоручик, что ветра нет...

– А ветер-то тут при чем? – удивился Козырев и, отвернув заиндевелый рукав бекешки, принялся стаскивать рукавицу.

– Э, не скажи, брат... – усмехнулся Чеботарев. – Да будь сейчас ветер, тайга б выла на разные голоса, и мы б не то что погоню, черта лысого не услышали бы...

– И кто они такие?.. – как-то безразлично спросил Козырев.

Чеботарев, поняв, что речь идет о недавних преследователях, так внезапно налетевших на их кошеву, коротко бросил:

– Как кто?.. Повстанцы, наверное... Разглядели наши погоны и бросились...

– Ясно... – Сняв рукавицу, Козырев энергично растер щеки и поинтересовался: – Господин полковник, минут десять постоим?

– Это зачем? – удивился Чеботарев.

– Бьюк бы надо перевязать, да и вместо седел намостить что-нибудь. Я гужи срезал, пожалуйста, подпруга выйдет...

– Вообще-то можно... – Полковник спрыгнул на захрустевший под сапогами снег. – А то, даже если напрямик махнем, нам до Мочаева еще так и так верст семьдесят. Когда еще доберемся...

– Если вообще доберемся... – слезая с лошади, зло отозвался Козырев.

– И то верно, – согласился с ним полковник и только потом, секунду подумав, раздумчиво сказал: – Мы ладно, главное, чтоб Костанжогло прорвался...

* * *

Сводный отряд полковника Костанжогло стал бивуаком в заснеженном перелеске где-то возле маньчжурского кордона. Точной границы здесь не было, но китайские селения пока не попадались, и полковник считал, что отряд все еще находится в России.

В наступивших сумерках к огню разгорающихся костров жались люди в башлыках, фуражках, сибирских малахаях и длинноухих охотничьих шапках. Тут же, опустив платки, суетились женщины и сидели закутанные до глаз непривычно тихие дети.

Все сгрудившиеся сейчас вокруг живительного тепла отчетливо понимали: это конец. Конец борьбе, надеждам на прежнюю жизнь и на возврат потерянного. Конец всему. Впереди неизвестность и чужбина, которая одна могла им сейчас твердо обещать жизнь...

Возле крайнего костра во втором ряду расположились шестеро. Пожилой, мужиковатый есаул машинально совал в разгорающееся пламя ветку за веткой, небритый штабс-капитан задумчиво смотрел прямо перед собой, время от времени поправляя пальцем дужку золоченого пенсне, студент и юнкер, держа между колен короткие драгунки, тянули руки к огню, а чуть в стороне сидели, привалившись друг к другу, два измученных поручика, и под их башлыками отсвечивали тусклыми бликами офицерские кокарды.

– О Господи, – со вздохом нарушил молчание штабс-капитан и, в очередной раз нервно тронув дужку, повернулся к есаулу. – Вы, помнится, говорили, что пришлось... В японскую.

– Было, – тусклым голосом отозвался есаул.

– Ну и... как?

– Китаезы... Русскому человеку там жить нельзя...

– А где нам теперь жить?.. Где? – вскинулся штабс-капитан. – Что здесь, что в Европах, один черт под забором валяться! Ведь все пропало!..

– А может, доучиться можно будет? – Студент вопросительно оглядел всех. – Знаете, господа, я всегда мечтал пройти курс в Геттингенском университете...

– А позвольте вас спросить, – с горькой иронией поинтересовался штабс-капитан, – на какие шиши?

– Да уж, теперь денег из имений не жди... – Один из поручиков придвинулся ближе к огню. – Я, однако, надеюсь в Европу перебраться. У меня, видите ли, дом в Варшаве...

– А в Варшаве кто, Саша? – резко перебил его второй поручик.

– Аля, зачем ты так? – Саша повернулся к товарищу. – Я верю, не все потеряно...

– Как здесь?

Поручик откинул капюшон башлыка, и его глаза, особо выразительные на очень красивом, худощавом лице, странно вспыхнули.

– Ах, господа, прошу вас, не надо, – попросил юнкер. – Я все вот о хорошем думать стараюсь...

Он протер ладонью слегка запотевшую от тепла драгунку и отложил ее в сторону.

– Разрешите поинтересоваться, – криво усмехнулся штабс-капитан. – Что это такое хорошее вы думать изволите?

– А вот мы с вами здесь сидим, господа, а там дальше океан, и вот, представьте себе, за ним Америка, берег, песчаные пляжи, люди и никаких революций...

– О Господи... – каменно молчавший до сих пор есаул вдруг резко поднялся, сделал несколько шагов в сторону и замер.

Его товарищи, машинально разом посмотревшие на него, вновь повернулись к огню, и вдруг у них за спинами неожиданно громко хлопнул выстрел. Люди у соседних костров вскинулись, посрывались со своих мест и почти сразу вокруг уже бездыханного есаула собралась молчаливая группа. Все было настолько ясно, что, когда прибежавший сюда полковник Костанжогло спросил: «Господа, как это?», чей-то сорванно-хриплый голос отозвался: «Вы же видите, господин полковник, сам...»

Костанжогло снял фуражку, перекрестился и негромко приказал:

– Прошу построиться, господа...

Строй протянулся между деревьями изломанной линией. Стоя перед ним, полковник Костанжогло еще раз окинул взглядом свое разношерстное воинство и неожиданно-звонко выкрикнул:

– Господа, час назад наше охранение захватило разведку красных! Оказывается, они решили, что мы несем с собой ценности, и потому так упорно нас преследуют. Я считал, что через один переход мы будем в безопасности, но, как видите, я ошибался. Больше того, не исключено, что преследование на кордоне не прекратится, а может быть, красные даже потребуют нашей выдачи. Думаю, выход у нас один, задержать красных хотя бы до того, как мы выберемся к железной дороге.

Полковник умолк, вытер ладонью лоб, еще раз оглядел строй и снова заговорил:

– Господа, вы знаете, только что застрелился есаул Башкирцев. Я не смею осуждать его, и, догадываюсь, многие думают о том же. Господа, у меня к вам одна просьба, не торопитесь. Сейчас я попрошу выйти из строя охотников. Пусть они встанут на дороге у красных, чтобы дать нам возможность спасти детей и женщин.

Костанжогло на секунду сбился и судорожно глотнул воздух.

– Господа, вы люди военные и понимаете, что ждет оставшихся, поэтому я не приказываю. Пусть каждый решит этот вопрос для себя сам...

В наступившей тишине примерно полминуты не было заметно ни единого шевеления, потом словно шорох пробежал по строю и один за другим вперед начали выходить охотники. Полковник молча наблюдал, как число вышедших все увеличивается, и наконец поднял руку.

– Господа, благодарю вас...

Он медленно пошел вдоль строя, вглядываясь в лицо каждого. Время от времени полковник задерживался, и тогда, после короткого разговора, кое-кто из охотников отступал назад к основному строю. В самом конце обхода, заметив, что все пятеро, бывшие с есаулом Башкирцевым, вышли вперед, Костанжогло укоризненно покачал головой и обратился к штабс-капитану:

– Не ожидал-с, батенька мой, не ожидал-с...

– Чего, господин полковник? – штабс-капитан вытянулся.

– Вы что же, считаете, что там, в Маньчжурии, мы просто разойдемся в разные стороны? Вы мне нужны там. Так что извольте вернуться в строй.

– Но как же?.. – Штабс-капитан посмотрел на товарищей.

– И молодежь забирайте. Им еще жить и жить. Так что, без возражений...

Поколебавшись секунду, штабс-капитан сделал шаг назад, за ним дружно отступили студент и юнкер и, чуть помедлив, один из поручиков. Второй же так и остался стоять не шелохнувшись.

– Господин Тешевич, – негромко обратился к нему Костанжогло. – Право, не стоит... Отступивший поручик тоже потянул товарища за рукав:
– Аля, вернись, вспомни, нас всего двое...
– Господин Яницкий, вы что, сослуживцы? – спросил у второго поручика Костанжогло.
– Нет, мы просто родственники. Последние в роду...
– Тем более, – согласно наклонил голову Костанжогло.
– Нет! – Тешевич резко высвободил руку. – Хватит, Саша! Россия, род, все погибло! Ты веришь в невозможное. Я нет. Я остаюсь здесь. Я решил...

Костанжогло внимательно посмотрел на Тешевича, глаза которого видели сейчас что-то доступное лишь ему одному, вздохнул и пробормотав: «Ну, как знаете, господа, как знаете...», медленно пошел вдоль строя обратно.

* * *

Поручик Шурка Яницкий стоял на железнодорожном полотне, бессильно привалившись плечом к броневому поясу полублиндированного вагона. Кое-где на металле виднелись поржавелые круглые вмятины, а выше, там, где брони на уровне окон не было, пули оставили свой след в виде неровно отколовшейся щепы. Похоже, вагон был старый, ходивший тут еще в русско-японскую, но поручика это интересовало мало. Ему сейчас было безразлично, чьи пули, хунхузов или большевиков, пометили облупившуюся броню, и хотя Шурка видел эти порывевшие вмятины, перед его мысленным взором проплывали совсем другие картины.

Отряд Костанжогло, бросив все лишнее и оставив позади себя заслон добровольцев, сумел-таки оторваться от преследования и ценой невероятных усилий все же достиг «маньчжурки», единственной в этих местах железной дороги, которая сулила вконец измочаленным отступлением и лишениями людям хотя бы призрачную надежду на благополучный исход.

Полная безысходность давила Яницкого, и из этого состояния его вывел появившийся из-за вагона полковник Костанжогло.

– А, вот и вы, поручик! Следуйте за мной.

В голосе Костанжогло проявились какие-то новые нотки, и Яницкий, подавив в себе неожиданно возникшее желание послать господина полковника куда подальше, привычно зашагал следом.

Вообще-то поручику никуда идти не хотелось. Его уставшее тело ныло, требуя отдыха, тепла и покоя, а душа в явном предчувствии еще не осознанных испытаний и вовсе пребывала в смятении.

Едва они вышли из-под укрытия вагона, как холодный ветер начал пронизывать Яницкого до костей. Шурка поежился и усилием воли заставил себя смотреть по сторонам.

Разъезд, куда все-таки вышел отряд полковника Костанжогло, имел заброшенный вид. В небольшом тупичке, перегороженном брусом, стояли две теплушки, а на втором пути торчал неведомо как попавший сюда классный вагон.

За насыпью с остовом сгоревшей будки виднелся небольшой распадок, где, укрываясь от ветра, временно расположился отряд, а чуть в стороне была старая землянка пограничной стражи, окруженная полуосыпавшимся окопом. Над ее крышей, присыпанной с одной стороны снегом, вился дымок.

Полковник решительно направился к дверям землянки. Шурка за ним, но перед входом поскользнулся, и у него, как бы сам по себе, перед глазами вдруг возник бесснежный, почти черный лед Аргуни, по которой они брели последние двадцать верст.

Внутри землянки было тепло. Топилась печурка, нагревая помещение и глиняный, сооруженный на китайский манер кан¹. На кане сидел стражник и старательно протирал ветошкой ствол трехлинейки. Увидев вошедших, он приподнялся, но Костанжогло махнул рукой и сел рядом с ним. Яницкий некоторое время стоял, но, не дождавшись приглашения, тоже опустился на кан.

Полковник принял это как должное, и пока Шурка, не обращая ни на что внимания, грелся, спросил стражника:

– Скажи-ка, служивый, вагон, что на втором пути, целый?

– А почто ему, ваше высокоблагородие, не быть целым? Покаместь целый. Только вам-то он на кой ляд?

– Люди у меня, брат, померзли. С нами вон дети, женщины. Если в вагоне печь натопить, нагреется?

– Почто ж нет? Само-собой. На то и печка. Я так понимаю, – стражник хитро прищурился. – Вы тут поезда дожидаться хотите?

– Именно так, – Костанжогло подул на озябшие пальцы и приложил ладони к теплому кану.

– Гиблое дело, вашвысобродь. Тут на дороге разор полный.

– Ну вы ж тут сидите.

– У нас служба. Мы тут, как приказано, дорогу от хунхузов охраняем. А таперича и хунхузов нетути. Потому как ежели проскочит с той стороны какой дикий эшелон, так к нему и не подступишься. И вам ждать такой оказии расчёту нету.

– Это что ж, дальше по шпалам опять пешком топать? – подал голос малость отогревшийся Шурка.

Костанжогло недоуменно посмотрел на него и снова повернулся к стражнику.

– Так как же нам быть, служивый?

– Так как ни кинь, дорога одна, – стражник пожал плечами. – В сторону Хайлара пробираться. Там и паровоз найти можно, и поезда вроде как ходят.

– Это и я понимаю, – задумчиво пробормотал Костанжогло.

Стражник кончил возиться с винтовкой и поочередно посмотрел на сгорбившихся офицеров.

– Ежли позволите, могу совет дать.

– Какой? – Костанжогло поднял голову.

– Я вижу, у вас в отряде лошади есть. Вот и впрягайте их в вагоны и поезжайте с богом. И вам способнее и нам тут облегчение. А то неровен час налетит хунхузняя какая и пожгут. Вон, будку месяц назад спалили одни такие. Опять дороге убыток...

– Да думал уже об этом, думал, – махнул рукой Костанжогло. – Только где ж упряжь взять? Я про хомуты и дуги не говорю, хотя бы шлеи...

– А чего тут думать, – совсем по-свойски возразил стражник. – Берите патронташи, вяжите к ним постромки, вот вам и шлея...

– Дело говоришь, дело. – Полковник резко поднялся и кивнул Яницкому. – Идемте, время не терпит.

Выйдя из землянки, Костанжогло задержал Шурку.

– Не узнаю вас, поручик. Всегда такой исполнительный, а тут... Не понимаю.

– Что тут понимать, господин полковник. Кто мы с вами теперь? Никто. Пошли лучше вагон топить, пока все не померзли...

¹ Кан – глинобитная лежанка с дымоходом внутри.

Через каких-нибудь полчаса работа закипела. Над застывшим вагоном закурился дымок. Женщины, обрадованные хоть какой-то цивилизацией, начали обустриваться, а Костанжогло, собрав вокруг себя молодежь, принялся командовать.

Теплушки из тупика руками перекатали на второй путь, и там образовалось подобие поезда. Впереди теплушка, сзади теплушка и посередине классный вагон. Потом пока часть энтузиастов мастерила упряжь, другая установила на тормозной площадке задней теплушки «максим», а тут же сформированную команду пулеметчиков одели в собранные по всему отряду шубы и бекеши.

Из разбитого ящика на буферах смастерили кучерские сиденья, закрепили самодельную упряжь, распределили лошадей и, убедившись, что дело идет, споро погрузив имущество, с черепашьей скоростью, но уже на конной тяге, двинулись в путь...

* * *

Село Мочаево пряталось в низине, окутанной морозным туманом. Выбравшись на дорогу, Чеботарев с Козыревым прислушались и, не уловив ничего подозрительного, шагом поехали вдоль длинной сельской улицы, обрамленной невысокими заборами.

Людей видно не было, и только цепные псы, заслышав всадников, с хриплым лаем принимались метаться на привязи, громыхая железными цепями по проволоке. Доехав до бокового проезда, Чеботарев завернул в него и еще раз осмотрелся.

Проулок образовали три избы, поставленные не в ряд, а косым треугольником, внутри которого, скрытые крепким заплотом, стояли амбары, коровники и конюшни. Окна изб, глядевшие на улицу, были уже прикрыты ставнями, и здесь не слышалось даже собачьего лая.

Чеботарев подозрительно завертел головой и озабоченно уточнил:

– Подпоручик, вы не ошиблись?.. Это здесь?

– Как можно, – весело отозвался Козырев и, прыгнув на землю, подошел к калитке, устроенной впритык к бревенчатому срубу.

Ухватившись за массивное, висевшее снаружи кованое кольцо дверного запора, Козырев застучал им по калитке. Сначала все было тихо, потом со двора послышался скрип шагов и настороженный женский голос окликнул:

– Кто?..

– Свои...

– Свои все дома...

– Это никак Даша? – рассмеялся Козырев и легко хлопнул ладонью по деревянному косяку. – Да открывай, не бойся...

Запор металлически звякнул, калитка приоткрылась, и из возникшей щели донеслось недоверчиво-удивленное:

– Ды-к, это кто же?

– Ты что, Дарья, не узнаешь?.. – Козырев отступил на шаг.

– Ой, господин учитель!.. – Калитка гостеприимно рапахнулась, и в проеме возникла молодая женщина в заношенной кацавейке. – Вы откуда?..

– Оттуда! – фыркнул Козырев и совсем по-домашнему попросил: – Открой-ка ворота, я не один, да и кони у нас...

– Сейчас, сейчас... – заторопилась женщина и, деревянно стукнув закладным брусом, поспешно отвела одну створку. – Заезжайте...

И тут из глубины двора долетел недовольный возглас:

– Дашка, чего у тебя ворота настезь?..

– Ой, тятя, – только и откликнулась женщина, помогая Козыреву завести лошадь во двор.

Чеботарев, заезжавший следом, увидел, как с чисто выметенного крыльца спускается бородатый мужик, скорее всего хозяин, в новом стеганом ватнике, под которым виднелась опрятная холщовая рубаха с крупными белыми пуговицами.

– Кого еще там принесло... – начал было мужик, но, углядев полковничьи погоны на плечах у Чеботарева, сразу засуетился.

Хозяин поспешно сбежал со ступенек, подхватил лошадь подпоручика под уздцы и тут, почти лицом к лицу столкнувшись с Козыревым, радостно воскликнул:

– Ой, так это ж вы!.. Что, опять у нас квартировать будете?

– Еще не знаю, Фрол, – устало ответил подпоручик, передавая самодельный повод хозяину.

Мужик, который, судя по всему, искренне обрадовался гостю, дожидаясь, пока Чеботарев тоже слезет с лошади, наклонился к Козыреву и доверительно спросил:

– Господин учитель, а с вами, извиняюсь, кто будет?

– Не бойся Фрол, – подпоручик потоптался на месте и только тогда ответил: – Господин полковник со мной...

– Ага, ага, – засуетился хозяин и, принимая лошадей, шумнул на дочь: – Дашка, чего стоишь, веди в избу. Видишь, люди с дороги...

Чеботарев, проведенный вместе с Козыревым почти двое суток в заснеженной тайге, изрядно промерз и теперь, оказавшись в теплой избе, пахнувшей сушеными грибами, травами и свежевыведанной овчиной, с наслаждением расстегнул верхний крючок шинели и принялся разматывать обледенелый башлык.

Войдя вслед за хозяином в чисто прибранную горницу, офицеры перекрестились на образа старинного письма, перед которыми теплилась лампада, оправленная в бронзу, и сели за стол. Фрол, оставшись стоять, степенно разгладил бороду и, кивнув дочери, чтобы собрала поест, испытующе посмотрел на Чеботарева.

– Вы уж, господин полковник, не обессудьте. Вон, господин учитель знают, у нас разносолов нет, мы ведь от леса кормимся, от тайги.

– Нам не до разносолов, – усмехнулся Чеботарев, – да ты и сам понимаешь...

– А как же... – Хозяин уместился на самом краешке широкой, добела выскобленной ножом лавки. – Дивно, как вы проскочили...

– Ладно, Фрол, – вмешался молчавший до сих пор Козырев. – Нам вокруг да около хоро- водить не с руки. Говори прямо, нас укроешь?

– Ежели как на духу, – медленно, с расстановкой ответил Фрол, – то про вас, господин учитель, поскольку вы почитай что нашенький, и разговору нет. Вы тут жили, вас мужики знают, и ежели какой варнак и наскочит, то не страшно. А вот что касаето господина полковника...

– Я ненадолго, – бросил Чеботарев и тут же, смягчая интонацию, добавил: – Мне б пару дней перебыть, отогреться...

– На это мы с радостью, – неприкрыто обрадовался Фрол и, повернувшись к двери, сердито крикнул: – Дарья!.. Ты игде там запропастилась?

– Да иду уже, тятя, иду! – отозвалась Даша и, заскочив в горницу, принялась проворно выставлять на стол холодное мясо, копченую рыбу, грибы и, самое главное, свежеспеченный, нарезанный большими ломтями, одуряюще пахнущий хлеб.

Проглотив голодную слюну, полковник покосился на Козырева, потом на дочку хозяина, успевшую сменить затрапезную одежку на кокетливую, отделанную соболем душегрейку и, крякнув, принялся уписывать за обе щеки.

Тем временем, пока гости утоляли голод, Фрол вытянул откуда-то целую четверть мутноватого самогона, налил всем по стакану и на правах хозяина сказал:

– Ну что ж, как говорится, со свиданьем...

Дарья, на минутку присев, только пригубила из своего стакана, и тут же умчавшись на другую половину, загремела ухватами. Офицеры же, не чинясь, выпили вместе с хозяином и, чувствуя, как живительное тепло изнутри распространяется по телу, обстоятельно принялись за еду...

Много позже, лежа на лавке, застеленной овчиным тулупом, полковник ждал подпоручика. Короткий зимний день давно растворился в метельном сумраке, на столе горела дешевая жестяная лампа, и за бревенчатой стеной начинал подвывать ветер. Чеботарев как раз подумал, что они очень вовремя добрались к жилью, когда дверь скрипнула и в горницу, осторожно ступая, вошел Козырев.

Чеботарев скосил взгляд и слегка насмешливо поинтересовался:

– Ну как разведка?.. Надеюсь, душегрейка одевалась не зря?

Пропустив скабрезную двусмысленность мимо ушей, Козырев присел на лавку и, понизив голос до шепота, сказал:

– Дела плохи, господин полковник. Даша говорит, по окрестным заимкам повстанцы офицеров ловят...

– Догадываюсь... – Чеботарев крикнул, закинул руки за голову и повернулся к Козыреву: – Ну и?..

– Думаю, здесь перебыть, а уж потом как получится...

Невысказанный вопрос повис в воздухе, и Чеботарев сам закончил:

– Правильно. А я назад подамся, в город. Правда, обличье сменить придется... – Чеботарев помолчал и после короткой паузы спросил: – Как думаете, подпоручик, ваш Фрол меня отвезет?

– Само собой... – уверенно ответил Козырев и, привстав, машинально подкрутил фитиль лампы, пустившей к потолку крученую струйку копоти...

* * *

Тешевич еле-еле разлепил веки и с трудом приподнялся на вздрагивающих руках. Кругом, среди вырванных разрывами деревьев, валялись трупы, густо чернели снарядные воронки, а прямо перед ним снег был почему-то сплошь нашпигован хвойными иглами.

Поручик попытался вспомнить, как все было, но кроме мешанины разрозненных действий, да того, что перед яркой вспышкой, разом погасившей сознание, он куда-то бежал, ничего вспомнить не мог. Единственным, что ему помнилось точно, было то, что красные, видимо, приняли их за весь отряд Костанжогло и провозились с ними здесь, в лесу, чуть ли не три дня.

Уцепившись за ближайшую сосну, Тешевич мало-помалу встал на ноги, и вдруг его буквально оглушил радостный крик:

– Братцы!.. Гляди, еще одна контра живая!

Инстинктивно обернувшись, Тешевич увидел, что прямо на него прет расхристанный малый в треухе, перехваченном наискось красной лентой. Встретившись взглядом с Тешевичем, красноармеец остановился и замахал трехлинейкой:

– Петрович!.. Сюда!.. Тута беляк целый!..

За деревьями послышались голоса, и к Тешевичу со всех сторон начали сбегаться рыскавшие по полю боя красноармейцы. Через минуту их набралось с десятков, и все они ожидающе поглядывали в сторону Петровича – здоровенного, бородатого мужика, судя по выправке, бывшего унтера.

Тешевич встряхнулся, выпрямился и, вздохнув, буднично спросил у Петровича, безошибочно угадав в нем старшего:

– Где мне стать?

– Это чегой-то он, братцы? – изумился парень, первым наткнувшийся на Тешевича.

– А ты не дотумкал? Их благородие знать желают, у которого дерева мы его шлепнем, – насмешливо отозвался кто-то и удивленно добавил: – Ты ж гляди, какой сознательный, сам под расстрел просится...

– Ишь, прыткий, – парень подозрительно уставился на Тешевича. – Нет, чегой-то тут не тае... Другие жизнь выпрашивают, а ентот сам... А может, он, братцы, боится чего? Может, налютовал где, изгалялся нещадно над нашим братом-пролетарием, а?.. – Парень начал уже исступленно кричать, стараясь завести себя и других, но неожиданно, наткнувшись на взгляд Тешевича, поспешно отвел глаза. – Нет, братцы, гад это... Ишь, озирается, волчара... Нет, мы ему такое устроим, такое... Как ты, Петрович, скажешь? – внезапно обратился он к старшему, явно не решаясь учинить самосуд.

– Цыть ты, нарванный! – прикрикнул на него Петрович и подошел к Тешевичу ближе. – А скажи нам, господин поручик, чего это ты так на тот свет торописси?.. А то, вить, товарищи антиресуются...

– Почему? – переспросил Тешевич, и его взгляд скользнул куда-то вверх. – А ты не понимаешь, болван? На рожи ваши хамские смотреть не хочу.

– Это чего ето такое, братцы, а? – прямо взорвался парень. – Гадюка золотопогонная и тут изгаляться вздумал! Чего глядим, товарищи?.. Покажем белой сволочи кузькину мать!

Солдаты угрожающе зашумели, явно собираясь расправиться с пленным, но именно в этот момент напрямиком к ним подскочил неизвестно откуда взявшийся всадник.

– Товарищи, что тут у вас?

Женский голос, так неожиданно прозвучавший над головой, заставил Тешевича удивленно посмотреть на подъехавшего. По-мужски сидя в седле, молодая и красивая, одетая в щегольскую тужурку, женщина туго натягивала поводья, заставляя крупного вороного жеребца плясать на месте.

– Так что, товарищ комиссар, пленного взяли, – ответил Петрович и сразу подтянулся.

– Пленного? – Женщина сверкнула белозубой улыбкой, свесилась с седла и концом арапника приподняла подбородок Тешевича. – Ух, красавчик... А больше что, нет?

– Никак нет, товарищ комиссар, ну никак сбить их не удавалось. Аж пока артиллерию не подтянули. Только тогда и накрыли. Так что, сами видите...

– А обоз?.. Обоз где? – в голосе комиссарши послышалась растерянность.

– Так что, я полагаю, обоза нету. Енти остались, а никаких других нету...

– Та-а-к, значит, обоз опять ушел. Чтоб вам... – Женщина-комиссар вдруг смачно, по-солдатски выматерилась и приказала: – Этого офицера в штаб. Немедленно. И чтоб никаких штучек по дороге. Поняли?

– Так точно, поняли... – хмуро отозвался Петрович и ткнул Тешевича прикладом в подколенку. – Ну давай, контра, топай. Повезло тебе, еще поживешь малость...

* * *

От добротной стены пакгауза веяло тишиной и порядком. И если блиндированный, испятнанный хунхузскими пулями бок вагона еще дышал опасностью, то здесь явственно ощущалось спокойствие. Впрочем, этот вагон и сейчас все время маячил у Шурки перед глазами. Однако теперь, поставленный вровень с широкими дверями пакгауза, он не только не внушал тревоги, но, наоборот, казался некоей тихой пристанью.

Теплушки тоже стояли тут же, но «максим» с тормозной площадки уже был убран, и весь отряд, больше всего напоминая какую-то тыловую часть, деятельно устраивался на новом, хотя и временном месте.

Здесь, у этого такого мирного пакгауза, они оказались ранним утром после более чем восьми часов неспешного передвижения. Начальник станции, уж не зная чего и ждать от свалившегося ему как снег на голову вооруженного до зубов отряда, немедленно согласился предоставить в распоряжение полковника Костанжогло пустовавший пакгауз.

Под удивленными взглядами немногих железнодорожников импровизированный конный поезд переместился на боковой путь и встал у разгрузочной платформы. Костанжогло похозяйски осмотрел гулкий в своей пустоте пакгауз и, отлично понимая, что сейчас это их единственное более или менее надежное пристанище, распорядился начать разгрузку.

Впрочем, расчетливый полковник пока приказал освободить только теплушки, оставив классный вагон, где временно расположились семьи, за собой. Все-таки купейный вагон вполне годился под жилье, чего нельзя было сказать о промерзшем насквозь кирпичном пакгаузе.

Молча таская вместе с другими офицерами ящики из вагонов, Шурка Яницкий был весь во власти своих невеселых мыслей. Эта странная апатия, вызвавшая внезапный упадок сил и равнодушие, охватила поручика сразу после того, как стало ясно: преследование «красных» им больше не угрожает.

Может быть, это была реакция на страшное напряжение последних дней марша, может, сказала общая усталость, но, скорее всего, Шурка подсознательно понимал, что для него все кончено. Никто его здесь, в Манчжурии, не ждал, никому он был не нужен, и как жить дальше, он себе представить не мог...

Разгрузку закончили на удивление быстро. Тюки, винтовочные ящики и снаряжение аккуратно сложили под стену, на всякий случай прикрыв ими предусмотрительно задвинутые в самый угол еще имевшиеся в отряде два станковых пулемета.

Как-то сразу оставшиеся без дела офицеры сначала бесцельно слонялись по пакгаузу, а потом столпились вокруг груды военного имущества. И, видно, не одного Яницкого мучила мысль о будущем, потому что едва шум стих, как кто-то, Шурка не понял кто, явственно произнес:

– А ведь это же все продать можно...

Между людьми словно пробежала искра. Офицеры начали переглядываться, словно не понимая еще, как воспринимать эту фразу, но всем им было ясно: оружие и все остальное имеют здесь свою цену, а значит, за них можно выручить совсем неплохие деньги, которые помогут каждому хоть как-то устроиться по крайней мере на первых порах...

Однако у оказавшегося здесь же полковника Костанжогло, по всей вероятности, имелись совсем другие планы, так как он немедленно вскочил на винтовочный ящик и, возвышаясь над всеми, взволнованно выкрикнул:

– Господа!.. Господа, прошу вас, не забывайте, мы воинская часть российской армии!

– Па-а-звольте с вами не согласиться!.. – Молодой черноусый подполковник неожиданно перебил Костанжогло и, по гвардейски грассируя, заявил: – Мы, если позволительно так выразиться, являемся всего лишь временным воинским формированием, созданным с одной целью – оторваться от «красных» и уйти в Маньчжурию. Поскольку задача выполнена, ни о какой дальнейшей воинской деятельности речь идти не может...

Выражавшегося так гладко подполковника Яницкий не знал, он только помнил, что гвардеец присоединился к отряду уже далеко за Омском и виделись они раза два при общем построении.

– Да что вы несете... – возмущенно выкрикнул стоявший чуть впереди Яницкого капитан в шинели с подпаленным у костра рукавом. – Какие формирования?.. Какие задачи?.. Опомнитесь, господа!..

Вот этого капитана Шурка знал хорошо. Бывший раньше у Капеля, он одним из последних прибил к отряду Костанжогло и сразу стал известен своим крайним максимализмом. Тем более было удивительно услышать сейчас от него просто-таки безапелляционное заявление.

– Господа, господа, успокойтесь! Как вам не стыдно митинговать... – никак не ожидавший такого афронта Костанжогло растерянно замахал руками. – Поверьте, я полностью понимаю ваше состояние, но поймите и вы, нам надо сохранить единство хотя бы на первое время...

– А зачем? – выкрикнул кто-то, стоявший позади Яницкого.

– Зачем? – Чувствовалось, что Костанжогло уже овладел собой. – А хотя бы затем, чтобы с выгодой реализовать наше имущество, вам же выделить хоть какие-то деньги на первое обустройство, отпустить гражданских, сопровождавших отряд, и выделить наиболее боеспособную часть нашего отряда.

Последнюю часть тирады Костанжогло произнес на пониженных тонах, отчего у Шурки возникло твердое убеждение, что полковник говорит не просто так, а у него имеются какие-то свои, явно далеко идущие планы...

Неожиданная догадка подтвердилась быстро. Едва общее возбуждение улеглось, Костанжогло догнал собравшегося было уходить Яницкого и остановил его прямо в дверях пакгауза.

– Поручик, я заметил, вы не митинговали, почему?

– Не вижу смысла...

Шурка повернулся и недоуменно посмотрел на Костанжогло. В свою очередь полковник как-то странно прищурился и, выждав некую паузу, спросил:

– А вы какого мнения?

– О чем? – не понял Яницкий.

– О дальнейшем...

– А-а-а... Дальнейшее, господин полковник, более чем ясно: или в сторожа, или в дворники, тут уж как повезет...

– Ну зачем же так пессимистично? – Костанжогло дружески потрепал Яницкого по плечу и отвел его в сторону от пакгауза. – Есть и другие варианты...

– Это какие же? – скептически поинтересовался поручик.

– Ну, скажем, я мог бы попросить вас отвезти письмо прямо в Харбин...

– Отвезти письмо? Это кому же?.. – удивился Яницкий и совершенно неожиданно для себя самого добавил: – Да у меня и денег-то нет...

– Ну об этом не беспокойтесь, – улыбнулся Костанжогло. – Деньги будут. А письмо надо передать в руки генералу Миллеру...

Шурка совсем другими глазами взглянул на полковника, вспомнив, как решительно отказал Костанжогло некоторым офицерам, вызвавшимся участвовать в последнем бою, и недавняя догадка превратилась в уверенность...

* * *

Заснеженный город казался непривычно пустым. На улице не было видно ни рысаков, ни автомобилей, и только изредка появлявшиеся сгорбленные фигуры пешеходов словно тайком пробирались от одного дома к другому.

Где-то далеко, за рекой, на окраине, угрожающе бухали редкие оружейные выстрелы, а со стороны железнодорожного вокзала доносилась ленивая перестрелка. Кто и в кого стреляет, было неясно, и оттого висевшая в воздухе тревога только усиливалась.

По истоптанному и грязному тротуару, стараясь держаться незаметнее, быстрым шагом шел полковник Чеботарев. Правда, сейчас угадать в нем офицера было просто невозможно. Изрядно потрепанное мещанское пальто, облезлый треух и, в дополнение ко всему, рваные калоши основательно изменили его облик. К тому же запавшие глаза и трехдневная щетина превратили мужчину средних лет в старика.

Сейчас, бросая настороженные взгляды вдоль улицы, Чеботарев замечал все. И заезженную до булыжника мостовую, и прикрытые ставни мещанских домиков, и редких пешеходов, и даже торчавшее из грязного сугроба мерзлое копыто убитой лошади.

Ближе к центру города дома стали побольше и пореспектабельнее, но тут было еще пустынное. Ни автомобилей, ни извозчиков, ни крестьянских саней, да и пешеходы словно исчезли вовсе, а пару раз Чеботареву даже показалось, что в дальних переулках мелькали то ли солдаты, то ли просто вооруженные люди.

Полковнику было предельно ясно, что город переходит из рук в руки, и этот испуганно затихший центр, куда он так упрямо пробирался, вот-вот заполнится расхристанной солдатней во главе с затянутыми в кожу и размахивающими своими маузерами комиссарами...

За квартал от Соборной площади Чеботарев свернул в проезд и, перейдя двор, остановился возле деревянного флигеля, прятавшегося за домами. Убедившись, что кругом никого, полковник поднялся по чисто выметенным ступенькам бокового входа и уверенно потянул грушу старого звонка.

К ваящему удивлению Чеботарева, дверь ему открыл сам полковник Кобылянский. Близоруко воззрившись на неожиданного гостя, хозяин секунду колебался, потом, узнав, втянул Чеботарева в темноватую переднюю и, поспешно захлопнув дверь, развел руками.

– Ну, батенька мой, не ожидал...

– Чего не ожидали, Всеволод Ильич? – не дожидаясь приглашения, Чеботарев начал снимать калоши.

– Да вид у вас больно пролетарский... – Кобылянский улыбнулся и шутливо закончил: – Того и гляди, пролетарскую «косушку» из кармана достанете.

– А ведь водка и правда есть... – откинув полу пальто, Чеботарев показал выглядывающую из внутреннего кармана «красную головку» дешевой «казенки».

– А это еще зачем? – удивился Кобылянский.

– Видите ли... – Чеботарев разделся и, пригладив волосы ладонью, сказал: – По теперешнему времени бутылка в кармане надежней, чем «мильс».

– Оно-то так... – До хозяина наконец дошло, что его бывшего подчиненного привели сюда особые обстоятельства, и он, несколько суетливо, предложил: – Но об этом после... А сейчас проходите, у меня, знаете ли, и «белая головка» есть. Правда, сам я в кухмистерской питаюсь, но закуска найдется.

– Не откажусь. С утра уже верст пятнадцать пешедралом, – Чеботарев вслед за хозяином прошел в комнаты и с интересом огляделся. – Вы, я вижу, моему совету последовали...

– Да уж... – Кобылянский вздохнул. – Аппартаменты из двух комнат, прислуга приходящая, электричества, само собой, нет, а сам я теперь вообще, бывший акцизный чиновник.

Хозяин прошел в заднюю каморку и вернулся, держа в одной руке тарелку с холодной телятиной, а в другой хлеб и початую бутылку «белой головки».

– Извините, полковник, разносолов не держу...

Чеботарев хмыкнул, без спросу взял стоявший на столе стакан, сам налил до половины и, залпом выпив водку, закусил куском мяса. Одобрительно улыбаясь, Кобылянский ждал, пока гость немного насытится, а Чеботарев, почти сразу почувствовав, как давившее его с утра напряжение отпускает, прекратил жевать и спросил:

– Всеволод Ильич, не хотите спросить, почему я здесь?

– А зачем? Мне и так ясно... – Кобылянский долгим взглядом посмотрел на Чеботарева. – Что, весь наш план насмарку?

– Это как посмотреть... – Чеботарев налил себе еще и покосился на хозяина.

Кобылянский перехватил его взгляд и спокойно сказал:

– Да вы ешьте, ешьте, сейчас, право, не до церемоний.

– И то верно... – согласился Чеботарев, опрокидывая стакан.

Кобылянский выждал, пока Чеботарев управится с телятиной, и только тогда спросил:

– Итак, что мы имеем?

– Если честно, не знаю, – вздохнул Чеботарев. – Люди разошлись по местам, но кто добрался, кто нет, сказать не могу. Меня самого перехватили повстанцы, едва ушел. Поскольку и мне пройти не удалось, считаю, в запланированной сети прорех будет немало...

– Да, этого следовало ожидать... – Кобылянский положил на стол сжатые кулаки. – Но главное для нас Костанжогло...

– Он как, прошел? – быстро спросил Чеботарев.

– Не ведаю, – Кобылянский пожал плечами. – Но если прошел, нас должны оставить в покое...

– Хотелось бы верить, – скептически заметил Чеботарев и после короткой паузы спросил: – А как вообще обстановка?

– Сами видите... – Кобылянский горестно покачал головой. – Полный и окончательный крах.

– Что будем делать? – Чеботарев решительно отставил стакан.

– Ждать! – неожиданно зло обрубил Кобылянский. – Вы знаете, полковник, здесь нами укрыто ценностей на сумму, соизмеримую с золотом КОМУЧа, попавшим в руки большевиков. Кроме того, всяческие «правители» стараются урвать побольше. Наша задача – обеспечить передачу золота, попавшего за границу, таким образом, чтобы новые владельцы в случае чего не смогли отвертеться.

– Думаете, удастся? – скептически заметил Чеботарев.

– Сейчас этим занимается генерал Миллер. Но, конечно, ценности, награбленные, так сказать, в частном порядке, возратить не удастся...

– Ну, сбережения «страдателей за народ» меня как раз и не беспокоят, – пренебрежительно махнул рукой Чеботарев. – Нечего было в свое время всяким Засулич овации устраивать.

– И то верно, – криво усмехнулся Кобылянский и уже приказным тоном закончил: – Но все равно, ваши люди, те, кто добрался до мест, обеспечивают охрану моих, я остаюсь здесь, а вас, полковник, попрошу поехать к генералу Миллеру и всемерно способствовать.

– Ясно, – кивнул Чеботарев. – В Харбин я как-нибудь проберусь, а вот что потом делать?

– Делать? – Кобылянский задумался. – Делать как раз ничего не надо. Будем ждать. И как только Миллер со своим делом справится, вы, полковник, постарайтесь перебраться в Европу. Думаю, наше будущее решится все-таки там...

* * *

Дом, куда в конце концов привезли Тешевича, удивил поручика. Невзрачный, с красным флагом на месте сорванной вывески, он мало отличался от других домов, зато внутри под ним оказалось целых два этажа сводчатых подвалов. Скорее всего, какой-то тороватый купчишка ловко объединил жилье, лабаз и лавку в одном строении.

Лежа на шинели, брошенной поверх свежей соломенной подстилки и безучастно глядя на тщательно выбеленный сводчатый потолок, поручик испытывал странное раздвоение. Его сознание, словно отсутствуя, не отождествляло происходящее с ним самим и в то же время, как бы на втором плане, четко фиксировало все происходящее вокруг.

Так Тешевич удивился странной чистоте подвала, но если предположить, что купчик держал здесь деликатный товар, то это становилось понятным. Потом солома оказалась только что постеленной, но если он здесь первый, то такая подстилка просто закономерна. Что же до толстой восковой свечи, горевшей под притолокой, то она свидетельствовала не сколько о заботе, сколько о нежелании охраны при нужде отыскивать узника в темноте.

И все-таки, при всей своей отрешенности, в глубине души Тешевич сейчас сожалел, что не последовал примеру Башкирцева. У того, по крайней мере, перед глазами навсегда остался заснеженный русский лес...

Впрочем, поручик думал и о том, что сначала все складывалось прекрасно. Они на целые сутки сумели задержать «красных», благо впервые за последнюю неделю не пришлось экономить патроны. Так что большевички, напоровшись на заслон, не могли продвинуться ни на шаг и если б не артиллерия, то, наверное, толклись бы там до сих пор...

Однако об этом артиллерийском обстреле Тешевич вспоминал с горьким сожалением. Ну что стоило оглушившему и слегка контузившему его снаряду разнести поручика в клочья? Тогда не было бы этого унизительно-гноусного подвала, ненужной тягомотины и подспудно все же давившего Тешевича, ожидания конца...

Внезапно в тишине подвала послышались шаги, загремел засов и, скосив глаза, Тешевич, к своему удивлению, увидел в дверях не вооруженного конвоира, а ту самую женщину-комиссара, которую встретил в лесу. Правда, на этот раз она была не в черной кожаной куртке, а в легкой батистовой кофточке, из чего Тешевич сделал вывод, что его, скорее всего, доставили в распоряжение крупного штаба, а эта девка, раз уж и она здесь, тоже немалый чин.

Аккуратно притворив за собой двери, комиссарша подошла ближе и сверху вниз посмотрела на даже и не подумавшего встать Тешевича.

– Лежишь, красавчик?.. И не страшно?

Поручик поднял голову и долгим взглядом посмотрел на странную визитершу. Без куртки она выглядела весьма привлекательно, но именно это прошло мимо сознания Тешевича. Он лишь обшарил глазами ладную фигуру и разочарованно отметил про себя, что, по всей видимости, никакого оружия при мадам комиссарше нет.

Однако это мимолетное внимание не осталось незамеченным, и тут же было поощрено двусмысленной, чисто женской улыбкой.

– Молчишь, белячок? Ну молчи, молчи...

К вящему удивлению Тешевича, она бесцеремонно села рядом с ним на солому и заговорщически подмигнула поручику.

– А жить-то небось хочется, а?

Тешевич закинул руки за голову, снова уставился в потолок и после небольшого раздумья все-таки ответил:

– Нет.

– Ишь ты... – усмехнулась комиссарша и подтянула под себя край поручиковой шинели. – Ну, как я понимаю, это тебе на хамские рожи смотреть не хотелось. А на меня ведь и посмотреть можно...

– Пожалуй, можно, – Тешевич и впрямь перевел взгляд на комиссаршу и, не скрывая издевки, спросил: – Ну что, красная лахудра, в лицо их небось товарищами называешь, а как со мной, так морды?

– Ах, вот ты о чем, – комиссарша демонстративно пропустила лахудру мимо ушей. – Хочешь, офицерик, правду скажу? У нас свои цели. А хамская морда, она хамская морда и есть. И насчет лахудры ты зря. Ты приглядишься ко мне повнимательней, приглядишься...

– Зачем?

– А вдруг понравлюсь?

Медленным, тягучим движением она неожиданно расстегнула кофточку, и молодая упругая грудь, ничем не сдерживаемая, открылась в образовавшемся вырезе.

– Это что, новый метод допроса? – Тешевич недоуменно воззрился на бесстыжую комиссаршу. – Так ты уж лучше просто так спроси. Все лучше, чем сиськами зря трясти.

– А почему зря? Неужто не нравлюсь, а, офицерик? Иль боишься меня? Не трус же ты... Может, побалуемся, красавчик? А уж я ублажу тебя напоследок...

Зазывно улыбаясь, она совсем скинула с себя кофточку, вытащила из головы гребенку и распустила волосы по плечам.

– Ну что, так лучше?

Тешевич смотрел на это бесстыдно оголившееся перед ним тело, и волна отвращения все больше захватывала его. Поручика или нарочно провоцировали с какой-то своей, непонятной ему целью, или же ему просто делалось цинично-грязное предложение.

– Ну а дальше что? – Тешевич облизал пересохшие губы.

Явно приняв это движение за признак с трудом подавляемого томленья, комиссарша резко приподнялась, рванула крючки юбки и, плюхнувшись назад на шинель, разом скинула с себя сапоги и все, что еще на ней оставалось. Отшвырнув скомканную одежду в сторону, она прильнула обнаженным телом к поручику.

– Ну что же ты, офицерик? Ну давай же, давай...

Руки ее уже шарили под рубашкой Тешевича, лихорадочно пытаясь нащупать пуговицы корсета.

– Я тебе, милый, такую ночь обещаю, такую...

Уже срываясь на женски-бессвязный лепет, она потянулась губами к лицу Тешевича, и тут поручик словно очнулся.

Мысль о том, что вот сейчас, здесь, он, офицер гвардии, будет валяться с этой солдатской шлюхой, вызвала у Тешевича дикое омерзение. Одновременно поручика точило пугавшее его подозрение, что все это не более чем изошренная провокация и вот-вот оттуда, из коридора, где сейчас наверняка прячутся товарищи этой развратной суки, с гоготом ворвутся злобно-хамские рожи и примутся садистски издеваться над его незащитно-обнаженным телом...

Поручик сжался и, ощутив где-то возле мочки уха похотливо-жадные губы, рванулся в сторону. Комиссарша невольно разжала руки и недоуменно посмотрела на него.

– Красавчик, ты чего?..

Не отвечая, Тешевич вскочил, бросился к двери и выглянул в коридор. Там, к его удивлению, никого не было, и только проникавший откуда-то сбоку свет создавал серый, невыразительный сумрак. Поручик заскочил назад в камеру, и тут комиссарша, с интересом следившая за его метаниями, весело рассмеялась.

– Что, испугался, сердешный? Испугался... Не бойся, дурачок, нет там никого. Никто нам не помешает. Ну иди же ко мне, иди...

Станным образом ее воркующие интонации окончательно взбесили Тешевича. Все здесь происходящее казалось ему сейчас диким абсурдом. И эта девка, решившая воспользоваться отчаянием смертника, не вызвала ничего, кроме омерзения.

– Ты, значит, осчастливить меня решила? Чтобы я, от тебя такой вот, да прямо под пули? – зло бросил Тешевич и сделал шаг к успевшей разлечься на его шинели комиссарше. – Ну так я тебя сейчас осчастливлю...

С неожиданной силой поручик схватил голую бабу за волосы и потащил к двери. Никак не ожидавшая такого оборота комиссарша испуганно взвизгнула и, видимо, инстинктивно поняв, что поручик уж никак не шутит, с готовностью подчинилась Тешевичу.

Протащив ее через весь коридор, Тешевич увидел за поворотом несколько караульных, что-то спокойно обсуждавших возле висящей на стене семилинейной керосиновой лампы. Появление поручика, волокущего за собой совершенно голую комиссаршу, сбило караульных с толку, и только один из них, судорожно выхватив револьвер, испуганно крикнул:

– Стой! Стрелять буду!

– Стреляй!.. – Тешевич остановился и с силой швырнул комиссаршу прямо под ноги караульным. – Заберите эту падаль!.. Тоже мне, рвань краснопузая, бабу, и ту всем кагалом удовлетворить не можете, а туда же полезли...

Комиссарша резво приподнялась на четвереньки и, стоя в этой дурацкой позе, залепетала:

– Товарищи... Товарищи...

Караульные, начавшие понемногу догадываться, в чем дело, заволновались, кто-то бросился к комиссарше, кто-то продолжал угрожать Тешевичу, но поручик, не обращая на них внимания, четко повернулся, прошел в свой подвал и с омерзением, ногами, вышвырнул из камеры в коридор разбросанную по полу женскую одежду...

* * *

Железнодорожная колея была весьма изношена, и Шурку Яницкого, ехавшего в «жестком» вагоне третьего класса, изрядно поматывало. Колеса ритмично погромыхивали на стыках, звенели проушины верхних полок, и за окном, освещенная не по-зимнему ярким солнцем медленно ползла желтая маньчжурская равнина.

Там, за тонкой стенкой вагона, не было ни снежных сугробов, ни стоявшей стеной тайги, ни враждебных, ошестинившихся штыками «красных». На чистеньком перроне оставшейся позади станции деловито сновали китайцы, одетые в одинаково синие телогрейки, шагали, покачивая горбами верблюды, и лениво катились высокие повозки, чем-то похожие на азиатские арбы.

Впрочем, станцию давно проехали, и в окно Шурка не смотрел. Он сидел, уставившись на прикопченное стекло вагонного фонаря, за которым проглядывала оплывшая до половины и давно погасшая толстая железнодорожная свеча, отчего казалось, что никакой Маньчжурии нет, а сам поезд лениво катится по родным российским просторам...

Похоже, Яницкий слегка задремал, и в какой-то момент ощущение стало таким сильным, что поручику показалось, будто он и вправду в России. Шурка открыл глаза и, к своему удивлению, увидел совсем рядом с железнодорожным полотном сооружение, всем своим видом напоминавшее средневековый замок. Во всяком случае, высокая каменная стена с круглыми бастиянами была прорезана целым рядом косых бойниц и имела ярко выраженный оборонительный характер.

Не ожидавший ничего подобного, поручик недоуменно посмотрел на свою «визави», милостивую полноватую дамочку чуть постарше его самого и, вроде как ни к кому не обращаясь, спросил:

– А это еще что такое?..

– Це?... – Соседка с готовностью встрепенулась. – Та це ж путевая казарма. Для отряда Охранной стражи.

Форма ответа и мягкие, ни с чем не сравнимые малороссийские интонации пахнули на Яницкого чем-то домашним, и он уже с явной симпатией поинтересовался:

– А чога це вас, добродийко, аж до Маньчжурии занесло?

– Ой, то вы теж з Украины!.. – всплеснула руками хохлушка и тут же, не сдержав любопытства, спросила: – А саме, звидки?

– С Волини, – ответил, улыбнувшись Яницкий и уже из чистой вежливости добавил: – А вы?

– А я з Киевщины! З самого Киева. А от тепер у Харбине. Муж мой тут на «маньчжурке» служит, а я от до свояченицы у Хайлар ездил...

Яницкому уже расхотелось беседовать, но резко оборвать разговор, боясь показаться неучтивым, он не решался и потому спросил:

– И не страшно одной ездить?

– А чога тут страшного? – Хохлушка округлила глаза. – То там, у России, большевики та красные, а у нас як воно було, так и е.

– Ну все-таки... – Шурка еще раз глянул в окно, но конечно же никакой крепости там уже не увидел. – Вон и пункты оборонительные у дороги... Я слышал, тут хунхузы пошаливают, они, конечно, не красные, но вроде как «краснобородые».

– Може, и так, – вежливо согласилась попутчица, но тут же добавила. – Тильки я червоных бород не бачила, а що до иншого то ти хунхузы тут завсегда булы...

– Всегда, говорите, – Яницкий удивился легкомыслию собеседницы. – И чем же они занимаются? Или это не от них дорогу охраняют?

– И от них тоже, – с готовностью закивала хохлушка. – Но только они больше на посты нападали, ну по вагонам пострелять могут, это так...

– Да я заметил, вагоны у вас блиндированные, – поддержал разговор Яницкий.

– Ну это редко, – поспешила успокоить его хохлушка, а так «манзы»² по «банковкам»³ сидят, а чтоб деньги были, заложника ради выкупа схватят, но больше своих грабят...

Хохлушка тараторила так охотно, что Яницкий понял, остановить говорливую спутницу не представлялось возможным, и он, по крайней мере, постарался перевести разговор в нужное русло.

– Сударыня, если не ошибаюсь, вы сказали, что живете в Харбине?

– Да... – хохлушка на секунду запнулась. – А вы что, тоже туда едете?

– В некотором роде... – Яницкий на какой-то момент умолк, но потом, нехотя, пояснил: – У меня дело там есть, так что подскажите, улицу Гириную найти трудно?

– Трудно? Ну вы и скажете... – хохлушка всплеснула руками. – Это ж главная улица! Там все есть, и вывески все на русском, так что если что не заблудитесь, да и «манзы» тоже русский язык понимают...

– Даже так? – искренне удивился Яницкий. – Это что ж, Харбин почти русский город?

– Да и не почти вовсе. И Пристань, и Новый Харбин, все русское, а китайский Модягоу так он в стороне...

– Пристань, говорите, там что, у вас и пароходы ходят?

– Конечно! Сунгари речка большая, а на левом берегу так там пляжи, летом такая красота...

Похоже, хохлушка снова села на своего конька, и, стремясь прервать новый поток слов, Яницкий поинтересовался:

– А гостиница приличная есть?

– Да конечно же! И идти далеко не надо. Гостиница «Нью-Харбин» сразу за вокзалом...

Шурка приготовился к новому потоку ненужных слов, и тут его слух резанул такой привычный звук выстрела. Стреляли где-то спереди и явно подчиняясь чьему-то приказу. Поезд дернулся раз-другой и начал судорожными рывками останавливаться.

Мгновенно забыв о болтливой попутчице, Шурка сунул руку за отворот шинели и, вытащив револьвер, крутанул барабан, проверяя наличие патронов. Поймав испуганный взгляд соседки, Яницкий усмехнулся и деловито сунул наган обратно за отворот. Почти сразу после остановки входная дверь вагона хлопнула, послышались выкрики то ли на русском, то ли на китайском, и следивший все время за проходом Яницкий увидел ввалившихся в коридор двух типов. Всполошившаяся хохлушка тоже заметила вошедших и, испуганно охнув: «Хунхузы...» – немедленно забилась подальше в угол.

Правда, на хунхузов незнакомцы походили мало. Во всяком случае, ни красных, ни каких-либо других бород у них не имелось. На голове первого косо сидел сибирский малахай, а второй нахлобучил облезлый китайский треух. Вообще-то, вид у них был самый затрапез-

² Манза – китаец.

³ Банковка – притон с опиумом и рулеткой.

ный, и если б не пистолет, зажатый в кулаке у владельца малахая, Шурка обратил бы на них внимания не больше, чем на любого китайца.

На всякий случай Яницкий попробовал придать себе самый непринужденный вид, но китайцы почему-то напрямиком направились к поручику, остановились рядом, и тот, что с пистолетом, удовлетворенно протянул:

– А-а-а, так это твоя ехать к генералу Миллеру...

Фраза ошеломила поручика. Еще до конца не сознавая, что делает, он инстинктивно сунул руку за отворот шинели, и тут хохлушка, вытаращенными глазами следившая за происходящим, повисла у него на локте.

– Благаю, не треба! Забьют!..

Шурка остервенело толкнул полохливую бабу, но было поздно. Краем глаза он еще успел увидеть, как хозяин малахая взмахнул пистолетом, и, получив удар рукоятью по голове, бесчувственным мешком свалился на пол вагона...

* * *

Как он добирался до Харбина, Чеботареву вспоминать не хотелось. Скорее всего, полковнику просто повезло. Тогда, не задерживаясь у Кобылянского, он напрямиком направился на станцию и там, в суете и неразберихе спешной эвакуации, а точнее в обстановке панического бегства, полковник нос к носу столкнулся со своим собственным осведомителем.

Какому богу теперь молился его агент, Чеботарева не интересовало вовсе, главным было то, что тот безропотно и, скорее всего, преследуя собственный интерес, сумел в последний момент посадить полковника на паровоз сборного эшелона, вырвавшегося со станции последним.

Сцепленные вперемешку теплушки и классные вагоны выползли на перегон и потом катились, не останавливаясь на полустанках, верст шестьдесят. Чеботарева, скорчившегося в углу паровозной будки, от пронизывающего холода спасло только то, что два добровольных кочегара-анненковца, в последний момент вскочившие на подножку, без передышки швыряли дрова в топку.

Наверно, благодаря именно им поезд не останавливался так долго, поскольку усатый машинист, глядя на вооруженных помощников, только вздыхал и покорно ворочал рычагами, заставляя окутанный дымом паровоз, с трудом волочивший длинный состав, проскакать один разъезд за другим.

Дальше дело пошло несколько легче, и Чеботарев сумел добраться до Благовещенска, но от всей этой дороги в памяти полковника запечатлелся лишь гвоздем засевший в голову страх заболеть. Сыпняк косил всех без разбора, прямо у железнодорожной колеи чуть ли не штабелями лежали трупы умерших, и Чеботарев ясно отдавал себе отчет: если он здесь свалится, это конец.

Однако сразу за Амуром страх постепенно оступил на второй план, неразбериха Гражданской войны осталась там – за кордоном, и всеми правдами и неправдами Чеботарев сравнительно легко добрался до Харбина, где первым делом вымылся, отоспался, сменил изношенную донельзя одежку и, приведя себя в порядок, отправился на прием к генералу Миллеру.

Генерал, занимавший на Гириной терем-особняк в старорусском стиле, встретил Чеботарева чуть ли не с распростертыми объятьями. Во всяком случае, когда кокетливая горничная без всяких расспросов провела полковника в кабинет хозяина, лицо Миллера выразило неподдельную радость.

Он первым делом усадил гостя в кресло, предложил сигару и, только садясь за свой письменный стол, поинтересовался:

– Ну, как добрались?

– С приключениями, – чуть насмешливо отозвался Чеботарев, присматриваясь к генералу, которого знал неплохо, но в свете последних событий от того можно было ожидать чего угодно.

– Понимаю... – генерал догадался, о чем сейчас думает полковник, и без промедления приступил к делу: – Вас конечно же интересует положение с ценностями, поступающими сюда из нашей растерзанной России.

В голосе Миллера зазвучали патетические нотки и, обрывая их, Чеботарев сухо, по-деловому спросил:

– Надеюсь, все поступления оформлены надлежащим образом?

– Да, да, конечно... – поспешно закивал Миллер. – Только часть поступлений, вы понимаете, идет частным порядком... Но я их регистрирую, как положено и в случае...

Генерал сбился на полуслове и сердито посмотрел на неожиданно появившуюся в дверях кабинета горничную.

– Тебе чего?

– К вам полковник Костанжогло.

– Так проси же его, проси! – замахал руками Миллер и, бросив красноречивый взгляд на Чеботарева, добавил: – Именно его я и жду...

У полковника почему-то возникла мысль, что ничего не спросившая прислуга приняла его за Костанжогло, но он сразу отогнал ее и, напустив на себя самый безразличный вид, поинтересовался:

– Костанжогло здесь с людьми, или сам?

– Сам, сам, – отвечая, Миллер не придавал значения вопросу и, поднявшись из-за стола, пошел навстречу входившему в кабинет Костанжогло.

Долгожданный гость сердечно поздоровался с хозяином и только потом, увидев сидевшего в глубине комнаты Чеботарева, удивленно поднял брови:

– Как, и вы здесь?

– Пришлось... – неопределенно ответил Чеботарев и, поднимаясь, поспешил предупредить следующий вопрос Костанжогло. – Полковник, о деле потом...

– Да, да, все это потом, – тут же подтвердил не понявший, о каком деле речь, Миллер и радушно пригласил: – Господа, прошу к столу! Так сказать, отобедать, по случаю встречи...

Разговор на генеральском застолье шел самый светский, и только в самом конце его несколько подвыпивший Миллер откинулся на спинку стула и, зачем-то жестикулируя вилкой, объявил:

– Господа, нынешние кандидаты в правители России обанкротились! Я не хочу называть конкретных имен, но помяните мои слова, возрождение нашей родины начнется с востока. И совершенно напрасно некоторые наши политики пренебрегают иностранной помощью, а кое-кто, и вообще, настроен к ней враждебно. Уверяю вас, это не так! В конце концов союзники поймут, чем это им грозит, и начнут помогать нам всерьез. И вот тогда-то станет вопрос о настоящему сильной личности...

Гордый своей тирадой Миллер поочередно посмотрел на обоих полковников и многозначительно закончил:

– Надеюсь, господа, вы понимаете, кого я имею в виду...

Чеботарев удивленно возрился на Миллера, переглянулся с Костанжогло и, догадавшись, что, по всей вероятности, речь идет о генерале Хорвате, тактично промолчал. Костанжогло же вообще опустил глаза. До конца обеда к этой щекотливой теме никто из сидевших за столом больше не возвращался...

Уже гораздо позже, вышагивая рядом с Чеботаревым по тщательно очищенному от наледи тротуару, Костанжогло спросил:

– Ну и как вам, полковник, наш милый генерал?

– Главное, честен, – отозвался Чеботарев. – А все остальное – от наивности и полного незнания реальности.

– Да уж, – вздохнул Костанжогло, – реальность, хуже некуда...

– Но все-таки, – неопределенно хмыкнул Чеботарев и с наигранной бодростью поинтересовался: – Ведь ваша-то миссия удалась?

– А как же! – Костанжогло выругался коротко и зло. – Настолько, что даже моего посланца к Миллеру выкрали из поезда уже здесь...

– Хунхузы? – живо спросил Чеботарев. – Может, случайность?

– Какая к черту случайность! – махнул рукой Костанжогло. – Его одного только и взяли.

– Это точно?

– Точнее некуда. Жена здешнего чиновника с моим офицером в одном купе ехала. Она все и рассказала.

На какую-то секунду Чеботареву стало не по себе. Перейдя кордон, он как-то расслабился, и теперь напоминание о прежней опасности заставило его стать предельно собранным.

– Значит, в покое не оставили... – вслух продолжил свою мысль полковник и сам же себя спросил: – Осталось выяснить, кто?

– Тут вам и карты в руки, – заметил Костанжогло и сухо добавил: – Я со своими людьми, конечно, буду помогать, но учтите, как только все выяснится, я сразу назад, главное, как вы знаете, там...

* * *

Тешевича вывели из подвала в верхние комнаты только на третий день. И едва поручик оказался в разоренной купеческой гостиной, как сидевший здесь маленький и вертлявый чекист огорошил его:

– Ну и отмочили вы штуку!

– Какую штуку? – не понял Тешевич.

– Да ладно, дурачком-то не прикидывайтесь, – махнул рукой чекист. – Это ж надо, от такой женщины отказались... Я б, к примеру, не удержался.

Начало допроса и впрямь сбilo Тешевича с толку. Он ожидал чего угодно, но только не такого, чуть ли не панибратского сочувствия. Впрочем, что бы там ни было, вопрос заставил Тешевича сбросить оцепенение, и поручик попробовал внимательнее присмотреться к допрашивавшему его человеку.

Вне всякого сомнения, интеллект этого чекиста был на порядок выше, чем у тех «товарищей», с которыми приходилось сталкиваться Тешевичу на пути от Волги до маньчжурской границы. То, что он получил кое-какое образование и достаточно пообтерся, было совершенно ясно.

– А уж это вы сами решайте, – наконец-то отозвался Тешевич и без всякого приглашения сел на стул. – Вот заявится к вам ночью такая мамзель, и что хотите, то с ней и делайте...

– Так, так, так, – чекист задумчиво покачал головой. – А мы, между прочим, к таким, как она, суровые меры принимаем...

– Ага, в караулку к солдатам, на предмет обоюдного успокоения и в качестве опыта. По социализации...

– Что? – чекист весело фыркнул. – Нет, меры что надо...

– Принимайте, – пожал плечами Тешевич. – Только как бы она при своих талантах у вас начальником не стала. Очень уж баба настырная.

– Начальником? Ладно... – чекист вскинул на поручика непонимающий взгляд и, тут же поменяв стиль допроса, сухо спросил: – Желания, просьбы имеются?

– Просьбы? – искренне удивился Тешевич. – Ну если вы так любезны, то одна есть...

- Какая?
- Не тяните kota за хвост, а прикажите меня вывести куда-нибудь за сараи и шлепните.
- Налютовали, выходит, где-то? Может, совесть мучает?
- Это вас она должна мучить. Только нет у вас совести и не было никогда. Что же до меня, то в карателях я не был, ну а в бою, уж не обессудьте, сволочи вашей, краснопузой, не давал спуска.
- Ишь ты, смело-то как, – чекист снова заулыбался. – Или, может, и вовсе уж жить не хочется?
- Нет, – эхом отозвался Тешевич. – Противно.
- Понимаю... – чекист забарабанил по столу пальцами. – Ну что ж, эту вашу просьбу мы, конечно, исполним...
- А в чем задержка? – Тешевич в упор посмотрел на него.
- Да вот вопросы имеются... – чекист хитро прищурился. – Как, ответите?
- А чего ж не ответить? – пожал плечами Тешевич. – Только про бабу эту не спрашивайте, не хочу. А так, отвечу, но при одном условии.
- Это каком же?
- Я отвечаю, и меня прямо отсюда к стенке. Если, конечно, не затруднит.
- И чего вы так торопитесь? – чекист все внимательнее присматривался к Тешевичу. – Прямо сипай какой-то. За хорошую смерть раскалываетесь...
- Раскалываюсь? – переспросил Тешевич, не поняв смысл сразу, но потом догадался и пояснил: – Со мной, я думаю, и так все ясно, а вот в человеческом облике туда уйти желание есть.
- Мучиться не хотите?
- А кто же хочет?
- Тоже верно. Ладно, договорились. А насчет мучений, это вы зря. Это вы привыкли народ мучить. Ну, значит, я буду спрашивать, а вы отвечать...
- Спрашивайте...
- У вас с этой, что в подвал приходила, раньше знакомства не было?
- Что? – Тешевич приподнялся на стуле, но, поняв, почему это интересует чекиста, опустился назад. – А, опять... Не усложняйте. Все голо, как в бане. В лесу первый раз увидел. На лошади.
- Да, амазонка... – Чекист как-то по-птичьему наклонил голову к плечу и вздохнул. – Хорошо, об этом не будем. Для порядка, коротко о себе.
- Тешевич, собираясь с мыслями, секунду помолчал, а потом коротко, четко ответил:
- Поручик гвардии. Тешевич Александр Викторович. Дворянин. В боях с августа 14-го. Во время вашего переворота лежал в госпитале, в Самаре. После того как большевичков из города турнули, снова в армии.
- Так, ясно. В революцию много потеряли?
- Все.
- Я спрашиваю, много ли? – вкрадчиво переспросил чекист и даже наклонился над столом, чтобы быть ближе к Тешевичу.
- Я родину потерял. – Поручик в упор посмотрел на чекиста.
- Ну, у нас с вами на этот счет разные представления...
- Чекист снова откинулся на спинку стула, явно намереваясь вступить в длительную дискуссию, но Тешевич резко оборвал его:
- Взгляды всякой интернациональной сволочи меня не интересуют.
- А вы, значит, патриот! – мгновенно взвился чекист. – Имя отобрали, рабов освободили, а теперь интернациональная сволочь, да? Да, интернациональная, но не сволочь, а борцы

за счастье народа! Кстати, вы не думали, почему это вас, патриотов, отовсюду выкинули? Через всю Сибирь белую сволочь мы гнали! Или вы уже позабыли, где бой был?

Чекист смолк и с сердитым сопением долго смотрел на Тешеви́ча. Но, видимо, его что-то очень интересовало, так как он с трудом взял себя в руки и почти спокойно спросил:

– Почему на самой границе такое сопротивление было? Ведь все знали, что уходите.

– Значит, не все уходить хотели...

– И что, даже приказа не было? – чекист подозрительно сощурился. – Вроде как сами собрались и пошли, так что ли?

– Нет, – покачал головой Тешеви́ч. – Приказа не было, сами решили и сами пошли...

На этот раз чекист молчал долго. Видимо, он чувствовал, что Тешеви́ч говорит правду, но почему-то именно такой ответ его не устраивал. Потом, выждав приличную паузу, чекист зашел с другой стороны.

– Какие части входили в ваш отряд?

– Не знаю. – Тешеви́ч задумался, он и впрямь затруднялся ответить на этот вопрос. – Из моего батальона было двенадцать человек, остальные, кто откуда. А если по людям считать, то треть вообще беженцы, дети...

– И что, с багажом, с вещами? – лениво поинтересовался чекист.

– Да нет, какие там вещи. Только то, что в руках, пешком же шли.

– А обоз? – чекист так и впился глазами в поручика.

– Обоз? – Тешеви́ч задумался. – Да, небольшой был. Десятка два лошадей под вьюками...

– И что же в обозе?..

Чекист постарался задать вопрос как можно равнодушнее, но Тешеви́ч уже понял, чего он добивается.

– Откуда я знаю, – неожиданная догадка придала уверенности поручику. – Может, продовольствие или амуниция. Да мало ли что. Я не интересовался.

– А ящиков там не видели?

Тешеви́ч вспомнил, что действительно несколько лошадей были навьючены длинными винтовочными ящиками, и кивнул.

– Видел...

Какое-то время чекист колебался, но наконец спросил без обиняков:

– Ценности там были?

Тешеви́ч подумал, что теперь-то, по истечении трех суток, Костанжогло вне всякой досягаемости, и потому со злорадным удовлетворением подтвердил:

– Да, были...

* * *

В камере было холодно. Кутаясь в шинель, Шурка Яницкий сидел на кане и тупо смотрел в маленькое зарешеченное окошечко. Сидеть было низко, и Шуркины колени торчали высоко вверх. Сам кан, прогревшийся было за ночь, давно остыл, и если б не лежавшая сверху тоненькая, местами прохудившаяся, циновка, Шурка замерз бы окончательно.

Все случившееся с ним было до того нелепо, что никак не укладывалось в сознании. Начать хотя бы с того, что Шурка так и не понял, куда его увезли, выкрав неизвестно зачем из поезда.

В первый раз он очнулся, после того как пахнувший кунжутным маслом то ли бурят, то ли китаец влил ему в рот почти полкружки ханшина⁴.

⁴ Ханшин – китайская водка.

Поручика, с туго стянутыми веревкой руками, куда-то везли на китайской арбе, причем ехали не по дороге, а по ясно различимому каменистому руслу высохшего ручья. Арбой, запряженной какими-то серыми лошаденками, управлял погонщик-китаец в куртке из неизменно-синей «дабы», лица которого Шурка не видел, а только слышал, как он, подгоняя своих одров, то и дело гортанно выкрикивал:

– Уо-уо!..

От этих выкриков в голове у Шурки сразу принимались колоть иголки, каменистые, вперемешку с замерзшей глиной, откосы ручья начинали подпрыгивать, безлиственные деревья недалежней рощи двоились, а едва видимые на краю зимней, желтой пустыни сопки становились какими-то расплывчатыми. Да и это состояние продолжалось недолго. Едва бодрящее действие ханшина кончилось, как на очередном ухабе иголки кольнули особо сильно, и поручик снова потерял сознание, опять погрузившись в беспросветную темень...

Второй раз более или менее Шурка пришел в себя, когда его поставили на ноги во дворе импани⁵. Тогда против своей воли он с интересом рассматривал и чистый дворик, и точеные деревянные ворота, и саму фанзу, где вместо окон вся передняя стенка была заклеена полупрозрачной бумагой, натянутой на мелкий реечный переплет.

Больше всего Шурку поразил не сам хозяин в шелковом халате и чистеньких улах⁶, молча стоявший посреди двора, а вид двух оборванных китайцев, судя по виду, самых что ни на есть бедняков, с отсутствующим взглядом скорчившихся под глинобитной стеной усадьбы.

У обоих на шее и ногах были надеты грязные деревянные колодки, и поручик здорово перепугался, решив, что и его сейчас посадят под стеной рядом с ними.

Однако ничего подобного не случилось. Больше того, Шурку завели в общем-то вполне приличную, но полутемную комнатушку с хорошо прогретым каном и, даже снова угостив ханшином, дали целую миску бобов. Проголодавший за все эти передрыги поручик набросился на еду, и подсознательно у него шевельнулось чувство благодарности к хохлушке, повисшей у него на плече...

Да, пальни он тогда по этим самым хунхузам, в лучшем случае сидеть бы и ему под стеной с колодкой на шее...

Мысль о револьвере как-то сразу вернула Шурке возможность соображать, и он, оставив пустую миску, принялся себя ощупывать. К его удивлению, все в карманах было цело, однако и револьвер, и письмо к генералу Миллеру отсутствовали.

Поручик вспомнил, что первый вопрос был именно о письме, пощупал все еще нывшую голову и, махнув на все рукой, завалился на теплый кан спать...

В этой импани Яницкий провел трое суток. Его ни о чем не спрашивали, не били и даже раз в день пускали погулять во двор, где уже не было колодников. Что кругом происходит, Шурка не понимал. Китайцы лопотали по-своему, с ним общались при помощи жестов, произнося одно или два слова по-русски и к тому же казались поручику все на одно лицо.

В ночь на четвертые сутки, ничего не объясняя, Шурку посадили в закрытую повозку и куда-то повезли. Под утро его грубо выволокли наружу и буквально затолкали в камеру, при этом все, что поручик успел разглядеть, была плохо различимая по утреннему времени серая стена какого-то дома.

Намучившись за ночь в тряской и душной повозке, Шурка, едва очутившись в камере, завалился на циновку, на теплый кан и сразу уснул. Но теперь, кое-как проспавшись, он четко понимал, что снаружи день, а сам он сидит взаперти на холодном, остывшем кане и отчаянно мерзнет...

⁵ Импань – деревенская усадьба.

⁶ Улы – китайская обувь, чувяки на толстой подошве.

Неожиданно заскрежетал замок, дверь камеры раскрылась, и в нее как-то боком вошел человек. Шурка было дернулся, но, поняв, что это всего лишь еще один арестант, снова опустился на кан. Тем временем вошедший некоторое время постоял на месте, видимо, осваиваясь с полутьмой камеры, а потом решительно шагнул вперед и, крикнув, сел рядом с Яницким.

Какое-то время они оба молчали, но Шурка не выдержал первым и, отбросив все приличия, спросил:

– Скажите, где это?

– Что «это»? – новичок недоуменно глянул на Шурку.

– Ну вот, все это... – поручик жестом показал одновременно и на стены камеры, и на окно.

– А вы что ж, даже не знаете, где вы?

– Конечно не знаю! Иначе бы не спрашивал, – рассердился Шурка.

– Теперь понятно. Цицикар это, городская тюрьма... – Новичок покосился на погон Яницкого и, устраиваясь поудобнее, сказал: – Господин поручик, может, мы с вами познакомимся?

– Можно и познакомиться, – Шурка вздохнул. – Яницкий Александр, поручик гвардии.

– Очень приятно, – новичок церемонно поклонился. – Чеботарев Петр Леонидович, полковник жандармерии.

– Что?..

Шурка резко повернулся и недоуменно посмотрел на сокамерника. Его затрапезный вид, истасканное пальто с вытертым воротником и разбитые скороходовские ботинки никак не вязались со сказанным. Поняв причину Шуркиного замешательства, Чеботарев весело рассмеялся.

– Не удивляйтесь, поручик, мне приходилось еще и похлеще выглядеть, служба такая.

– Понимаю...

– Ничего вы не понимаете... – протянул полковник и вдруг удивленно присвистнул: – Постойте, голубчик, а вас не было на высочайшем смотре в Вильно?

– В пятнадцатом? – изумился Шурка. – Был.

– Ну тогда точно вы! Вот встреча! А я голову ломаю, откуда мне ваше лицо знакомо...

– Знакомо? – Шурка скептически скривился. – С пятнадцатого?..

– Не удивляйтесь, голубчик, это профессиональное, – жандарм дружески потрепал Шурку по колену. – Сейчас я вам все напомним. Момент, когда при прохождении казачьей батареи колесо соскочило, помните?

– Было такое...

Шурка действительно помнил этот момент, но недоверие к жандарму только усилилось, так как ему мог кто-то сказать о смотре, и вообще было непонятно, зачем этот оборванный полковник затеял такой разговор. Однако Чеботарев или сделал вид, или и впрямь не заметил колебаний Яницкого.

– Вы еще тогда за колесом дернулись, а я черт-те что подумал и чуть сзади не кинулся.

– Так вы решили...

Поручик покачал головой. Действительно, тогда все так и было, похоже, этот полковник и вправду стоял у него сзади.

– Ну вот и встретились, коллега, – пошутил Чеботарев и поинтересовался: – А вас, позвольте спросить, за что в кутузку?

– Не знаю, – Шурка пожал плечами. – Ехал в Харбин поездом. Налетели, схватили, три дня в какой-то фанзе продержали, потом сюда привезли...

– Так это, значит, вы... – Чеботарев сразу стал серьезным. – Что-то сильно крутая каша вокруг вас заварилась.

– Каша? Вокруг меня? – не понял Шурка и удивленно переспросил: – Какая каша?

– Да не вокруг вас, а вокруг отряда вашего. Что-то там такое с вашим отрядом то ли вывезли, то ли шел с вами кто-то, не знаю... Но, как говорится, в здешних высоких сферах зашевелились...

– Ну а я тут при чем?

– Да ни при чем, голубчик. Не обижайтесь, вы в этом деле – пешка, а вот у меня кой-какие ниточки есть и, пожалуй, лично вам я помочь попробую...

Шурка внимательно посмотрел на полковника. Его сокамерник на первый взгляд казался весьма добродушным, но глаза у Чеботарева были льдисто-холодные, и что-то подсказало Яницкому, что этот человек ему помочь сможет...

* * *

Лошадь, выгибая шею, с трудом втаскивала тяжело нагруженную телегу на увал. Ошинованные колеса глубоко проваливались в напоенный водой грунт, и двое людей подталкивали застревающую телегу сзади. Возница, а им был подпоручик Козырев, переодетый теперь в чекистскую кожанку, шел сбоку и, время от времени встряхивая вожжами, покрикивал на выбившуюся из сил коняку.

На голове подпоручика красовалась фуражка с красной звездой, в то время как его товарищей, помогавших одолеть увал, по виду можно было принять за весьма зажиточных мужиков. Еще двое таких же «цивильных», прилично поотстав, шли сзади, придерживаясь следа, прорезанного колесами телеги.

Замыкающим в этой крошечной колонне был не кто иной, как сам полковник Кобылянский и сопровождавший его Костанжогло. Они только что перебрались через стремительную, но неглубокую речку и теперь, поглядывая на всякий случай по сторонам, обменивались впечатлениями.

Окружавший их лес был полон птичьего щебета и той влажной, пахучей свежести, которой всегда отличается раннее утро. И еще за ними как бы следовал постепенно слабеющий запах смородинового листа, почему-то особо густой там, возле только что перейденной вброд речки.

Наверно, поэтому, вспомнив быструю, синюю воду, чуть ли не ревущую у острых камней, торчавших на мелководье, Костанжогло вздохнул:

– Места-то какие дикие! В речушке, чай, рыбы полным-полно. Вот бы нашего Чеботарева сюда. Он же у нас рыболов-охотник...

– Это точно... – приостановившийся на минутку Кобылянский улыбнулся. – Помню, мы с ним год назад вот примерно в таком месте застряли. Рыбой питаться пришлось...

– Что, сырой? – не понял Костанжогло.

– Ну зачем же, – усмехнулся Кобылянский. – Сырая, это на любителя. А наш, как вы изволили выразиться, Чеботарев изумительно рыбку над костром на рожне жарит. Не изволили попробовать?

– Да как-то не пришлось, – Костанжогло остановился рядом с Кобылянским и, поглядывая по сторонам, раздумчиво заметил: – Выходит, полковник еще и кулинар...

– Еще какой, – охотно подтвердил Кобылянский. – Рыбка, я вам скажу, была объеденье. – И тут же, возвращаясь к прежним мыслям, спросил: – Скажите, полковник, как по-вашему, Чеботареву удастся докопаться, кто именно напал на вашего офицера?

– Кто именно, возможно... – Костанжогло немного подумал и весьма пессимистически заключил: – А вот кто приказал, вряд ли. Слишком много заинтересованных.

– Но хоть бы вашего человека удалось вытащить... – заметил Кобылянский и, отдышавшись, снова зашагал вверх по склону.

Костанжогло сразу по прибытии обстоятельно доложил все полковнику, и разговор на ходу мог означать только одно – Кобылянский начал обдумывать дальнейшие действия...

Костанжогло не ошибся. Пройдя шагов тридцать, Кобылянский повернулся к нему и тихо сказал:

– По возвращении передайте Чеботареву, чтоб, как только все утихнет, перебирался в Европу, там главная каша заварится. Однако и здесь тоже глаз нужен. Вы уж, полковник, не сочтите за труд, обоснуйте как следует в Харбине, ну а я соответственно остаюсь тут...

Костанжогло молча кивнул и показал на толстую осину, с которой длинными лоскутами свисала зеленовато-бурая, недавно содранная кора.

– Смотрите, Топтыгин балуется.

– Неудивительно, сейчас их время, – отозвался Кобылянский и поторопил спутника: – Приналяжем, полковник, наши вон уже на увал вышли...

Действительно, занятые беседой они подзадержались, и их спутники уже ждали возле остановившейся на самом верху подводы. Когда же припозднившиеся полковники тоже одолели склон, их глазам открылась удивительная картина.

Посередине ровной, поросшей травой поляны серо-угрюмым углом возвышался неизвестно как сюда попавший огромный камень. А вокруг весело белели стволами и переливались листвою березы, словно вырвавшиеся из наполненной мошкаррой чащи.

– Ну, вот он, Дик-камень... – Кобылянский показал на середину поляны и совершенно буднично добавил: – Господа, не будем терять времени.

Офицеры поспешно отвели подводу на край поляны, обошли камень кругом, на всякий случай внимательно осмотрелись и снова вернулись к Кобылянскому, так и стоявшему все это время у телеги. Подпоручик Козырев глянул на часы, поспешно вытащил из лежавшего на телеге мешка поблескивающую латунным кругом астролябию и деловито сказал:

– Господин полковник, пора, без пяти десять...

– Да-да, идемте, – встрепенулся Кобылянский и напомнил: – Мерную ленту не забудьте.

Выйдя на середину поляны, Козырев установил астролябию, и точно в десять часов вывел главную линию, взяв за точку отсчета нижний край солнечного диска и самую верхушку камня, косым треугольником торчавшую к небу.

Уже по этой линии с помощью ленты офицеры отмерили ровно десять саженей от подножия камня, и там полковник Кобылянский самолично воткнул в землю заранее приготовленный колышек. Затем Козырев перенес сюда астролябию и перпендикулярно к первой провел вторую линию.

Офицеры отмерили по новой линии те же десять саженей и, отметив концы, разошлись в стороны, образовав вокруг первого колышка почти правильный прямоугольник. Козырев, с помощью все той же астролябии, выверил углы и в конце-концов получил фигуру из семи точек, образовавших десятисаженную букву «Н».

Закончив работу, Козырев сложил астролябию и доложил Кобылянскому:

– Готово, господин полковник!

– Тогда за работу, господа... – и Кобылянский, повернувшись, первым пошел к оставленной у берез подводе.

На телеге тщательно укрытые брезентом от постороннего глаза лежали лопаты и семь больших, основательно просмоленных жестяных банок. Сняв с телеги лопаты и одну из банок, офицеры пошли к первому колышку, расстелили прихваченный с собою брезент и взялись за работу. Срезав первым делом слой дерна, они отложили его в сторонку и только потом начали копать яму, аккуратно складывая вынутую землю на брезент.

Работа спорилась, и уже минут через пятнадцать жестяная банка угнездилась на дне почти метровой ямы. После этого офицеры, не спеша, слой за слоем, стали засыпать свежевырытую яму, каждый раз старательно утрамбовывая землю. А когда новоуложенный грунт

сровнялся с уровнем травяного покрова, пластины снятого дерна возвратили на место и еще раз плотно утрамбовали.

Остатки земли так на брезенте и отнесли подальше в лес и там рассыпали под березами. После этого офицеры возвратились к следующему колышку, и весь цикл повторился. В результате за какие-нибудь два часа все семь банок были закопаны в семи местах и замаскированы так, что ничей придирчивый взгляд не мог бы определить, что здесь, на открытой поляне, что-то запрятано.

Закончив работу, немного подуставшие офицеры собрались у телеги. Козырев достал свой мешок, распустил кольца и выложил на разостланный брезент немудрящую снедь. Нарезав хлеб и холодное мясо одинаково толстыми ломтями, подпоручик достал большой пучок черемши. Потом развернул завязанную в узелок чистую тряпицу с солью и пригласил:

– Прошу, господа, обратный путь долог.

Все ели молча, сосредоточенно, и как раз в тот момент, когда Кобылянский собрался обмакнуть свой пучок черемши в соль, откуда-то из глубины леса долетел протяжно-яростный, с хрипотцой рев медведя. Полковник задержал руку, долгим взглядом посмотрел на Диккамень, одиноко торчавший посреди опустевшей поляны, и тихо, без тени улыбки, сказал:

– Ну вот, господа, сибирский медведь принял под охрану сокровища русской короны...

* * *

Господин Мияги, судя по всему, русский язык знал великолепно. Во всяком случае, он не путал ни падежей, ни склонений, но зато имел ярко выраженный акцент, и в его речи то и дело проскакивало лишнее, сугубо японское «р». При этом японец без конца натянуто улыбался, показывая желтые зубы.

Чеботарев, сидевший напротив, тщательно скрывал отвращение, которое вызывал у него господин Мияги, и чтобы не показать это, полковник все время, словно соглашаясь с собеседником, кивал головой. Вдобавок Чеботарев никак не мог избавиться от ощущения, что он где-то уже видел японца.

Но, поскольку на этой встрече очень настаивал генерал Миллер, Чеботарев, почти сразу после возвращения из Цицикара, пришел в неприметный особняк, где, как догадывался полковник, размещалось негласное японское представительство.

Оба собеседника минут двадцать прощупывали друг друга общими фразами, прежде чем японец решился спросить прямо:

– Господин полковник, как вы оцениваете деятельность генерала Миллера?

– Очень высоко, – с деланой бодростью отозвался Чеботарев. – По крайней мере, хотя бы часть золотого запаса будет спасена, за что и я, и генерал Миллер искренне благодарны вашей стране.

Говоря так, Чеботарев врал, но, как ни странно, никаких угрызений совести полковник при этом не испытывал. Впрочем, похоже, господин Мияги принял его слова за чистую монету, поскольку даже его натянутая улыбка на какой-то момент стала искренней.

– Да, да, конечно, мы помогаем, чем можем.

Чеботарев мгновенно вспомнил девятьсот пятый год, революционную заваруху, поднятую на японские деньги, и чуть-чуть резче, чем следовало, спросил:

– Тогда почему же ваши войска уходят?

Господин Мияги, явно не ожидавший такой прямооты, на секунду смутился и внимательно посмотрел на Чеботарева.

– Видите ли, господин полковник, как говорят у вас, сколько веревочке ни виться, а концу быть, – на удивление точной русской поговоркой ответил японец и пояснил: – Мы очень хорошо изучили Россию, и, признаюсь вам по секрету, у нас в Японии есть люди убежденные,

что к вам в гости с винтовкой ходить нельзя. Что же касается большевиков, то в Сибири они поддержки иметь не будут, и, я надеюсь, среди русских генералов найдется человек, способный повести за собой всех...

Чеботарева, уже составившего о собеседнике определенное мнение, высказывание господина Мияги весьма удивило, и он осторожно поинтересовался:

– Тогда осмелюсь спросить, как вы мыслите наши дальнейшие отношения?

– Только дружественными, мой дорогой полковник, только дружественными, и мы все искренне верим, что обновление России идет отсюда, поскольку именно здесь для этого есть все предпосылки.

И так без конца улыбающийся господин Мияги ослабил еще сильнее, и Чеботарев понял, что откровения кончились и японец просто уходит от ответа. Тогда он резко сменил тему, и дальнейший разговор практически ничего не дал.

Правда, в самом конце, провожая визитера чуть ли не до дверей, Мияги неожиданно спросил:

– А скажите, господин полковник, зачем вам понадобилось для освобождения вашего офицера самому садиться в тюрьму?

Чеботарев инстинктивно вздрогнул и, осознав, что все его действия здесь находятся под контролем, заставил себя улыбнуться и вроде как дружески ответить:

– Видите ли, господин Мияги, у меня свои методы...

После беседы с господином Мияги Чеботарев шел по улицам Харбина, не замечая ни витрин, ни домов, ни прохожих. Того, что полковник услышал, было достаточно, чтобы понять: Япония делает ставку на отторжение Сибири.

Додумывая все остальное, Чеботарев вспомнил ту погоню, когда им с Козыревым пришлось бросить кошеву у дороги и пробиваться глухим лесом, прислушиваясь к каждому шороху, прежде чем они добрались до жилья. Нет, там за ними гнались уж никак не большевики, и, пожалуй, японец прав. Идти войной против вооруженных сибирских мужиков было, по меньшей мере, неразумно, и в словах этого самого Мияги было рациональное зерно...

Вырисовывавшаяся перспектива была такой ясной, что Чеботарев в бессильной ярости только выматерился сквозь зубы и дальше шел так, без всякой цели, пока вдруг в одном из неприметных переулков запах, шедший из открытой двери, не заставил полковника остановиться.

Чеботарев посмотрел вверх и, увидев над входом простенькую вывеску «КАК ДОМА», покрутил головой. Судя по всему, ноги сами принесли его к этой, явно недавно открытой то ли столовой, то ли просто забегаловке.

Повинуясь странному, неизвестно откуда возникшему желанию, Чеботарев шагнул с тротуара на ступеньку и, войдя внутрь помещения, пахнувшего свежей краской, флотским борщом и почему-то корицей, остановился.

Это была маленькая полудомашняя харчевня, которые в последнее время начали открывать осевшие в городе эмигранты. Чеботареву не раз уже приходилось бывать в таких заведениях, но здесь было нечто другое...

Стараясь понять, в чем дело, а главное, уразуметь, почему эта забегаловка так на него подействовала, полковник присел за первый попавшийся столик, благо в крошечном зальчике не было ни одного посетителя, и задумался.

Внезапно на него пахнуло чем-то нестерпимо домашним, и очень приятный женский голос поинтересовался:

– Будете что-то заказывать?

– Что?..

Чеботарев повернул голову и увидел рядом со столом пухленькую, улыбающуюся и необыкновенно приятную женщину. И тут, совершенно неожиданно для себя, полковник

понял, что именно такие интонации, запахи и чуть ли не вся атмосфера комнаты запечатлелась в его сознании когда-то чрезвычайно давно.

Тем временем стоявшая рядом женщина, видимо сама хозяйка заведения, заговорила первой:

– Если вы чуточку подождете, то я могу приготовить что-нибудь специально. И не беспокойтесь: вы у меня первый посетитель и для вас уже предусмотрена скидка...

– Скидка? – переспросил Чеботарев и, словно находясь где-то не здесь, непонимающе посмотрел на хозяйку. – Какая скидка?..

Видимо, нечто похожее на смятение отразилось в глазах полковника, и женщина, перехватив недоуменный взгляд Чеботарева, наклонилась к нему и участливо спросила:

– Что с вами, сударь?

– Запахи у вас... – Чеботарев неожиданно для себя улыбнулся и, наконец-то осознав, в чем дело, задушевно сказал: – Домом... Домом пахнет. Из детства...

* * *

Тешевич понуро шагал в общей колонне, тупо фиксируя размеренные движения своих грязных сапог. Вместе с ним шли десятки таких же угрюмых офицеров, а вдоль колонны пленных тянулась редкая цепочка конвоя, не без умысла составленная из финнов, пошедших на службу к большевикам.

Колонна двигалась уже не первый день, куда их гнали, никто не знал, но относительно дальнейшей судьбы ни у кого никаких иллюзий не было. Всех угнетала неизвестность, и короткие разговоры, возникавшие время от времени, сами по себе гасли.

Под стать этому монотонному движению мысли Тешевича упрямо крутились вокруг последних событий, и как поручик ни заставлял себя думать о чем-нибудь другом, ничего у него не получалось.

К вящему удивлению Тешевича, несмотря на твердое обещание вертлявого чекиста, его так и не расстреляли. Поручика трижды переводили из тюрьмы в тюрьму, и в каждой из них следователи настойчиво пытались дознаться, что же было во вьюках худосочного обоза, тащившегося следом за отрядом полковника Костанжогло, сумевшего-таки, несмотря на все старания «красных», ускользнуть за спасительный маньчжурский кордон...

По совести говоря, Тешевич не знал, да и не хотел знать, что было в тех ящиках, но, отвечая, может быть в сотый раз, на вопрос очередного следователя о грузе, неизменно твердил:

– Да, были ценности, и большие.

Однако подтвердить, что именно с их отрядом следовала часть золота из банков России, наотрез отказывался, ссылаясь на собственное незнание. Почему он так поступал, поручик отчета себе не отдавал. Просто под словом «ценности» они со следователем понимали разные вещи, а объяснять что-либо Тешевич не пытался, считая, не без основания, что изменение показаний повлечет за собой только новые бесполезные допросы.

Каждый раз после очередной безрезультатной встречи со следователем Тешевич возвращался в битком набитую камеру, из которой каждую ночь людей забирали на расстрел, а он все томился в ней, пока наконец не угодил в эту, бредущую неизвестно куда колонну...

– Господи, куда гонят-то, куда? – Молодой корнет, старавшийся все время держаться поближе к Тешевичу, с тоской посмотрел по сторонам.

– А вы еще не поняли? – Седой подполковник, шагавший спереди, обернулся. – Вот заведут нас краснопузые куда подальше, в песок какой-нибудь, и порубают за милую душу...

– Не думаю, – хрипло возразил кто-то сзади. – На кой хрен тащить нас так далеко? И в подвале вполне могли кончить.

– Мне тоже так кажется, – корнет благодарно кивнул возразившему. – Да и потом, финны... У них и шашек-то нет.

– Не успокаивайте себя, молодые люди, – желчно заметил подполковник. – Не советую... Так или иначе, конец нам один. Просто мы им еще зачем-то нужны...

Возразить было нечего, и разговор сам собой оборвался. Некоторое время корнет шел молча, но потом томившие его неопределенность и страстная надежда на что-то лучшее заставили его обратиться к Тешевичу:

– Удивляюсь я вам, господин поручик! Мы с вами столько сидим вместе, а вы почти все время молчите...

– А что говорить-то, – процедил сквозь зубы Тешевич. – И потом, я же вас слушаю. Вы все время со мной рядом...

– А вы заметили? – Корнет смущенно улыбнулся и наклонился поближе к Тешевичу: – Я боюсь, господин поручик... Боюсь и ничего не могу с собой поделать. А вы какой-то... Извините меня, как закаменевший... Прошу вас, скажите, разве вам не страшно?

– Не знаю, – пожал плечами Тешевич и спустя минуту добавил: – Только если что, я ведь вам помочь не смогу.

– Неправда, господин поручик, неправда... – горячо зашептал корнет прямо в ухо Тешевичу. – Вы меня уже спасали несколько раз. Вы, как талисман... Я заметил, как приходят ночью за кем, вас всегда обходят. Ну и я... Поэтому возле вас... Но, конечно, если это вам в тягость, то я...

– Да господь с вами, – махнул рукой поручик. – Хоть за рукав держитесь, коли вам легче.

Тем временем колонна свернула с тракта и приостановилась у бревенчатой ограды старой пересыльной тюрьмы. Ворота открылись, пленные офицеры потянулись внутрь, и тут по их рядам прошло легкое волнение. Встречавший колонну краском, по виду тоже из бывших офицеров, раздавал входящим отпечатанные на грубой газетной бумаге небольшие листки-воззвания.

Офицеры брали их неохотно и мало кто, донельзя вымотанный дневным маршем, сразу начинал читать, большинство же, только скользнув взглядом по неровно отпечатанным строчкам, равнодушно прятали листовку в карман.

Отыскав закуток потише, Тешевич с наслаждением уселся на валявшуюся там охапку соломы и привалился спиной к потемневшим от времени бревнам ограды. Но отдохнуть поручику не пришлось. Едва он прикрыл глаза, как его растолкал возбужденный корнет:

– Господин поручик, господин поручик, я был прав!

– В чем? – открыл глаза Тешевич.

– Там, на листовках, обращение генерала Брусилова! – корнет махнул в сторону сгрудившихся неподалеку офицеров.

– Самого Брусилова? – приподнявшись, переспросил Тешевич. – Какое?

– Нам предлагают перейти служить в Красную армию!

– А-а-а, – Тешевич снова опустил на солому. – Они много чего предлагают...

– Да нет, тут другое! – Корнет опять затормозил Тешевича. – Они именно нам предлагают! На польский фронт!

– Польский? – на какую-то секунду оживился Тешевич. – Нам? Это что-то новенькое...

– Вот и я так считаю! Вы как?

Тешевич задумался, но ответить так и не успел. Где-то со стороны острожной канцелярии послышался шум, и от группы к группе взволнованных офицеров полетело:

– Строиться, господа, строиться!..

Не слишком ровные офицерские шеренги в точности повторяли косой излом ограды внутреннего двора и подковой сходились возле крыльца канцелярии. Тешевич сначала вовсе

не желал идти в строй, но корнет так умолял его не дразнить судьбу, что поручик в конце концов сдался и очутился не только в первой шеренге, но еще и совсем рядом с крыльцом.

Охраны нигде не было видно, только у дверей канцелярии стоял давешний краском, явно ожидая, когда закончится построение. Чуть позже на ступеньках появились еще человек пять военных, но кто они, Тешевич определить не мог – знаков различия на одежде у красных не было, но судя по добротности обмундирования, обилию ремней и оружия, это были птицы весьма высокого полета.

Ожидая с некоторым интересом, кто из них заговорит и что скажет, Тешевич вдруг заметил маленького чернявого человечка, как-то сразу выдвинувшегося из-за спин красных командиров, в котором он с удивлением узнал того самого чекиста, что первым его допрашивал. Чернявый шагнул вперед, требовательно поднял руку и резко выкрикнул:

– Граждане офицеры! Я не буду говорить много! И о том, что привело вас всех сюда, не буду говорить вовсе! Да, у нас во многом разные взгляды, но Родина у всех одна!

Чекист сделал многозначительную паузу, и кто-то за спиной Тешевича с издевкой произнес.

– И чего только у нас не водилось...

Но на крыльце ехидную реплику вряд ли расслышали, и оратор снова вскинул руку.

– На нас напали польские паны! Они снова хотят решить давний спор, но это одна видимость! За их спиной стоят империалисты Антанты, которые только и ждут нашей гибели!

По шеренгам сразу прошел гул одобрения, и Тешевич отметил про себя, что комиссар сразу взял нужный тон. Правда, такое заявление можно было воспринимать двояко, но чекиста подобные тонкости, по всей видимости, не смущали, и он продолжал напористо выкрикивать:

– Граждане офицеры! Вы все прочитали воззвание генерала Брусилова, в котором он вас призывает встать на защиту нашей общей Родины! Мне понятны ваши теперешние опасения, но тот, кто был виновен, нами уже наказан, а вам всем предлагается выбор!

Чекист сделал явно преднамеренную паузу, вздохнул и гораздо тише, почти буднично закончил:

– Желаящие могут немедленно предстать перед комиссией и после переаттестации, без промедления будут направлены для замещения командных должностей на польский фронт.

Тешевич инстинктивно сделал шаг назад и нечаянно толкнул стоявшего за ним корнета, который тут же страстно зашептал ему на ухо:

– Господин поручик, пойдёмте! Господин поручик, это судьба, я верю...

Шевеление в строю не укрылось от чекиста, так и замершего по окончании речи на последней ступеньке. Он хищно крутанул головой, уперся взглядом в Тешевича и вдруг расплылся в улыбке.

– А-а-а, это вы... Я рад! Какое решение примете?

Тешевич вздрогнул, дернулся и, снова натолкнувшись на корнета, совершенно произвольно шагнул вперед...

* * *

Шурка Яницкий и Чеботарев шли по Гириной. Рядом по мостовой грохотали колесами катившие в сторону Пристани пара ломовиков⁷. Крайняя подвода прошла так близко от тротуара, что неизвестно как оказавшийся в Харбине российский битюг⁸ обдал поручика запахом горячего лошадиного пота.

⁷ Ломовик – перевозчик грузов.

⁸ Битюг – лошадь-тяжеловоз.

Сейчас Шурка, третий день как выпущенный из Цицикарского заключения, глазел по сторонам. Он ожидал увидеть типично китайский город, но, к его удивлению, Харбин больше всего походил на какой-нибудь Аткарск или Саратов. По улице сплошь шли деревянные или каменные двух-, а то и трехэтажные здания типично русской архитектуры. Встречались и этакие купеческие «терема», а о вывесках и говорить не приходилось: рекламные надписи сплошь были русские и среди них особо часто мелькало упоминание «Торгового дома И.Я. Чурин и Ко».

Шурка даже не выдержал и спросил Чеботарева, кто это, на что полковник, упрямо куда-то ведший Яницкого, только отмахнулся и пренебрежительно бросил:

– Толстосум здешний, из иркутских купцов...

Некоторое время Шурка молчал и только приглядывался к прохожим. В своем большинстве они тоже казались русскими, и уж точно русской была веселая ватага молодежи, которая, судя по их громким репликам, явно собралась на левый берег Сунгари отдыхать и купаться.

В памяти поручика еще были живы воспоминания о метровой толщине речных льдинах, и чтобы как-то дать выход своему удивлению, Шурка поинтересовался:

– А что тут вовсе китайцев нет?

– Мало, – односложно ответил Чеботарев и свернул в какой-то проезд, в конце которого виднелись темно-красные выгнутые китайские кровли.

Шурка даже подумал, что идут они то ли на Модягоу, то ли на Фуцзядань, но увидев арку городского сада, понял, что полковник спешил именно сюда. И точно, Чеботарев замедлил шаг, начал приглядываться, а заметив у входа китайца-предсказателя, дружески подтолкнул поручика в бок:

– Ну вот тебе и манза.

– А что он тут делает?

Шурка посмотрел на старика-китайца с седой бородой в десяток волосинок, ловко тасовавшего какие-то бумажки на дне красного лакированного ящичка.

– А вот сейчас увидишь...

Внезапно перестав спешить, Чеботарев подвел Шурку к старику и спросил его, смешно коверкая слова:

– Твоя чего мало-мало еси тут делать?

Китаец заулыбался, с готовностью закивал головой и ответил на таком же ломаном русском:

– Моя говори, люди мимо ходи, мало-мало ханжа пей, веселый буди, узнавай, какой дальше живи буди...

– Ага, прорицатель, – полковник усмехнулся, протянул китайцу монету и повернулся к Яницкому. – Ну, поручик, тащи билетик, узнавай будущее...

Шурка весело замотал головой – внезапный переход от душной камеры к приветливо-теплому городу будоражил сознание и заставлял делать глупости. Подчиняясь этому чувству, поручик запустил руку в стопку бумажек, испещренных яркими иероглифами, и вытянул билетик. Китаец тут же перехватил у него вынутое предсказание и с важным видом произнес:

– Твоя ходи старый дорога, пой новый песня.

– Чудно! – Шурка посмотрел на полковника. – Смешно говорит, а вроде как правильно...

– Ясно, что правильно, иначе он «лицо потеряет». А что до разговора, то привыкай, они тут все на «пиджине»⁹ болтают... – и, не обращая больше внимания на китайца, Чеботарев повлек Шурку к входу в городской сад, сразу за которым начиналась широкая, усыпанная красноватым песком аллея.

⁹ Пиджин – китайская манера говорить по-русски.

В городском саду по дневному времени народу было немного. Отыскав укромную скамейку, полковник усадил на нее Яницкого, сел сам и замолчал, явно чего-то выжидая. Окружавшее сейчас Шурку благоухание так не вязалось с недавней вонью камеры, что преисполненный благодарности к Чеботареву он сказал:

– Я теперь ваш должник, господин полковник!

– Это еще почему? – Чеботарев удивленно посмотрел на Яницкого.

– Ну как же, – с жаром возразил поручик. – Позавчера еще сидел в камере и вдруг... Выпускают, сажают в поезд, еду в Харбин, а на перроне вы встречаете. Я ж помню, вы обещали...

– Ну было такое, только врал я тебе, поручик, – неожиданно перешедший на «ты» Чеботарев резко повернулся к Яницкому. – Понимаешь, врал. Подсадной я был, а как Виленский смотр вспомнил...

Чеботарев горестно взмахнул рукой и отвернулся. Некоторое время Яницкий ошарашенно молчал и только потом заговорил:

– Но меня же выпустили, а вы обещали и встретили...

– А за это не меня благодари, – перебил Шурку полковник. – Хохлушку, что с тобой в одном вагоне ехала, помнишь?

– Конечно, только она-то при чем? – пожал плечами Яницкий. – Что она могла сделать?

– Да вот смогла... – Чеботарев снова повернулся к Шурке. – Тут, брат, дело такое... Лет десять назад здесь малороссийская труппа подвизалась...

– Гастролировала? Писень спивали? – усмехнулся Шурка.

– Что? – не понял полковник и только потом усмехнулся. – Ну конечно же пели. И она – то ли прима, то ли как. Дальше, как водится, провинциальный роман, замужество, а муж возьми и дослужись чуть ли не до статского. Вот она, как приехала, мужа и отправила к генералу Хорвату за тебя хлопотать, а тот самого дзянь-дуня¹⁰ за шкирку тряхнул...

– Ну а меня тогда кто схватил?

– Да есть тут такой, то ли Чжингунд, то ли как...

В словах Чеботарева была странная недоговоренность, заставившая Яницкого недоверчиво посмотреть на полковника. Было ясно, Чеботарев неспроста заговорил так откровенно, а значит, он ведет какую-то свою игру, и Шурка медленно, с расстановкой, сказал:

– Господин полковник, ну раз вас посадили ко мне специально, выходит, вы знаете, чего от меня хотят?

– Ясно, знаю... Видишь ли, милый ты мой, золотой запас России был в распоряжении Колчака. Из-за него вся драчка. Я точно знаю, какая-то часть этого золота уже здесь, за рубежом, да и твой полковник Костанжогло тоже кое-что знает, вот он и посылал тебя к Миллеру.

– Выходит, всему причиной письмо?

– Выходит, так.

– И что же мне теперь делать?

– А вот это ты уж сам решай. Или ты идешь на Артиллерийскую, к генералу Миллеру, или со мной, на Гоголевскую.

– А там что предложат?

– Службу в интересах господ японцев...

– Думаете, есть смысл?

Еще там, в Цицикарской тюрьме, где вместе они просидели почти неделю, поручик понял, что Чеботарев ох как непрост, и уж если он его встретил тут, в Харбине, и зачем-то притащил в городской сад, то у него конечно же свои виды на Шурку. Пожалуй, это был выход, и поручик решился.

¹⁰ Дзянь-дунь – китайский губернатор провинции.

– Ладно, иду с вами на Гоголевскую.

– Ну вот, я в тебе не ошибся, – Чеботарев дружески улыбнулся Яницкому. – Да и идти пока никуда не надо. Их благородие майор императорской армии господин Мияги сейчас сам сюда явится...

* * *

Левый берег Сунгари с его пляжами и протоками был испятнан яркими точками цветных зонтиков, навесов лоточников и крышами каких-то явно временных строений. Дальше, чуть ниже по течению, напротив города, почти сразу за затоном, виднелись слепленные на живую нитку хибарки осевшей там бедноты.

Сидя на корме ялика, полковник Чеботарев, наслаждаясь теплым летним днем, смотрел то в сторону затоны, то на пляж, а то и вовсе, чуть прикрыв глаза, совсем по-детски ловил блеск веселых солнечных зайчиков, искрившихся на мелкой волне.

Перевозчик, молодой мускулистый китаец в синей дабовой куртке с обрезанными по летнему времени рукавами, энергично греб, хитро поглядывая на безмятежно шутившегося русского. Однако, когда ялик, миновав стрежень, начал приближаться к желто-песчаной полоске бергового пляжа, китаец неожиданно сказал:

– Теперь твоя, капитана, отдыхай, а моя работай...

В словах перевозчика полковник уловил явный подтекст, но промолчал. С одной стороны, не хотелось в такой день портить настроение по пустякам, а с другой, чтобы так говорить, косоглазый имел все основания, и возражать ему было нечего.

Так в молчании они добрались до места, и едва ялик ткнулся носом в берег, Чеботарев вылез, расплатился с китайцем и, шагая по пляжу, чтобы отогнать подспудно давивший его неприятный осадок, оставшийся после слов перевозчика, неожиданно принялся загребать песок носками ботинок...

Полковник Костанжогло ждал Чеботарева у самого начала протоки, спрятавшись в тень от куста. Сам кустик был маленький, и, чтобы укрыться от солнца, Костанжогло пришлось, подстелив платочек, усесться прямо на землю.

Вид весьма солидного дяди в чесучовом костюме, светлой шляпе и белых парусиновых туфлях, сидящего под кустом и при этом важно поигрывавшего тросточкой, рассмешил Чеботарева, и он, забыв про китайца, громко рассмеялся.

– Простите, милостивый государь, – Чеботарев, явно дурачась, шутовски поклонился. – Эта река, случайно, не Сена?

– Нет, – показывая, что шутка принята, Костанжогло усмехнулся и, поднимаясь с земли, ответил почти серьезно: – Это, как вы сами понимаете, только Сунгари, но для вас, полковник, все может перемениться...

– Что уж в нашем положении может перемениться? – вздохнул Чеботарев и, махнув рукой вдоль пляжа, предложил: – Идемте, полковник, подыщем местечко поудобнее.

Они медленно пошли вдоль песчаного пляжа, на котором там и сям в самых живописных позах расположились группы молодежи. Юные девушки, делая вид, что они загорают, принимали самые соблазнительные позы, а юноши шумно бросались в речку, а потом нарочно брызгали в угревшихся на солнце подруг водой, отчего кругом царило всеохватывающее веселье.

Некоторое время Костанжогло занимался созерцанием, но потом, явно возвращаясь к уже сказанному, повернулся к Чеботареву.

– Кстати, полковник, я насчет перемен не шутил. Я остаюсь здесь, а вот вам предстоит и в самом деле перебраться поближе к Сене.

– Значит, переберемся, – с самым безмятежным видом согласился Чеботарев и неожиданно, кивнув в сторону веселящейся молодежи, добавил: – Вот ведь время-то...

– Время как время, – сухоvalo ответил Костанжогло и упрямо вернулся к прежней теме. – Мне бы хотелось получить информацию.

– Это можно... – Чеботарев приостановился, зачем-то посмотрел на противоположный берег и тихо заговорил: – Судя по всему, союзники готовы на какое-то время оставить большевиков в покое, а нас предоставить самим себе.

– Согласен, – кивнул Костанжогло и добавил: – Вот только как японцы?

– Они просто сменили тактику. Знаете, есть тут такой Мияги, скорее всего офицер генштаба. Так вот он уж очень ретиво меня обхаживает и, пожалуй, принимая во внимание мое прошлое и то, что я знаю, японцы постараются прибрать меня к рукам.

– Вы хотите сказать, полковник, – Костанжогло повернулся к Чеботареву, – что покинуть Харбин вам будет затруднительно?

– Именно так, – усмехнулся Чеботарев. – Если только я не пойду к ним на службу.

– А как же Европа?

– Не беспокойтесь, приходилось выкручиваться и не из таких ситуаций...

Внезапно полковник замолчал и остановился. Его внимание привлекли дети, игравшие прямо на пляже в серсо. Девочка-подросток в чопорном купальнике со множеством оборок бросала кольца, а маленький мальчик, лет семи, скорее всего ее брат, старательно пытался поймать хотя бы одно.

Босой, одетый в матросочку, с бескозыркой, браво сдвинутой на затылок, он, высунув от усердия язык, бросался к летящему в воздухе кольцу, а потом, в очередной раз промахнувшись, обиженно поджимал губы и отворачивался, делая вид, что смотрит на воду.

Шедший по реке пароход со свежевывозолаченным иероглифом на черном колесном кожухе, сворачивая к затону, круто положил руль, и поднятая им волна с шорохом накатилась на песок пляжа, заставив мальчика, сразу забывшего про серсо, счастливо рассмеяться.

Чеботарев, не спускавший с детей глаз, улыбнулся и только теперь, возвращаясь к прерванному разговору, спросил:

– Скажите, полковник, новая граница проходимая?

Костанжогло, немало удивленный таким переходом, ответил.

– Конечно...

– То-то и оно... – Полковник зашагал дальше и уже на ходу пояснил: – Видите ли, я убежден, что инцидент с Яницким – дело рук красных, и освободить поручика удалось только потому, что в вашем письме Миллеру был всего лишь перечень ценностей, находящихся в других руках.

– Да уж, неожиданность... – покрутил головой Костанжогло и поинтересовался: – А как вам сам Яницкий? Думаете привлечь?

– Разумеется. Хороший парень. Мне с ним, знаете, даже в одной камере сидеть понравилось, – Чеботарев усмехнулся, сунул пальцы за воротник рубахи и без всякой связи с предыдущим сказал: – Жарко, черт возьми, попить бы чего-нибудь...

– Идемте, – Костанжогло показал на целый ряд палаток, выстроившихся под кустами, и решительно увлек Чеботарева за собой.

Остановившись у одного из навесов, Костанжогло обратился к разбитному молодцу в алой рубахе и черном жилете, с которого демонстративно свисала серебряная цепочка.

– Любезный, попить найдется?

– Чего изволите, зельтерской или, к примеру, квасу?

– Квас? – мгновенно оживился Чеботарев. – Неужто кислый?

– А как же! – с готовностью отозвался молодец. – Всенепременно кислый.

– Налей!

– Извольте-с!

Молодец споро обмахнул тряпкой и так чистый прилавок, поставил на него две толсто-стенные стеклянные кружки, откупорил бутылку и ловко наполнил их желто-лимонным напитком.

– Прошу-с!

Чеботарев жадно сдул пену и выпил свою кружку, не отрываясь, в то время как Костанжогло цедил квас медленно, хитро поглядывая на товарища, явно собравшегося взять еще бутылочку, которую ушлый продавец уже держал наготове...

* * *

Польская батарея била по лесу. Снаряды трехдюймовок вскидывали клочья дерна, удаляли в стволы, ссекали осколками ветви и поднимали взрывами тучи начинавшей желтеть листвы. Спрятав голову за пень и инстинктивно прикрыв затылок ладонями, Тешевич покорно ждал, когда же наконец очередной путиловский поросенок разнесет его в клочья.

Страх поручик не испытывал, и только что-то похожее на сосущую душу тоску копошилось глубоко в подсознании. Состояние до жути походило на то, вынесенное с маньчжурского кордона, и порой Тешевичу начинало казаться, что не было ни тюрьмы, ни вербовки, ни бездумно-равнодушной дороги от оренбургской степи до варшавских предместий, куда для поддержки корпуса Гая бросили их пехотный батальон.

Последние дни Тешевич несколько раз порывался кончить со своим двусмысленным положением, и только корнет с его отчаянной верой в благополучный исход удерживал поручика от последнего шага.

Очередной разрыв грохнул совсем рядом, осыпав Тешевича деревянной трухой, и в нос вместе с кислым запахом тротила ударил густой дух лесной прели. Тешевич удивленно поднял голову и вдруг заметил, что корнет, кинувшийся под соседний комель, машет ему рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.